

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

После смерти путеше-
ственника Николая
Пржевальского, остался
старинный дневник,
в котором хранилась
великая тайна – путь
в древнюю легендарную
Шамбалу...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Тайна русского путешественника

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Тайна русского путешественника

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Тайна русского путешественника / Ю. В. Алейникова —
«Эксмо», 2018 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-092415-8

Целью многих экспедиций великого русского путешественника Николая Пржевальского был таинственный и недоступный для европейцев Тибет. Но, как ни старался, попасть в столицу Тибета, прекрасную и загадочную Лхасу, он так и не смог. Зато тибетские монахи по повелению Далай Ламы открыли Пржевальскому нечто большее, чем ворота земного города. Они открыли ему путь в самую Шамбалу. Увы, великий путешественник умер раньше, чем сумел повторить свой маршрут и поделиться своими знаниями с Государем, единственным, кому мог доверить такую тайну... В Петербурге при загадочных обстоятельствах исчезает известный антиквар Борис Арчугов. А из монастыря под Смоленском – дневники Пржевальского. Какая связь между этими событиями? И почему английский баронет заинтересован в покупке дневников путешественника, чьи открытия уже перестали быть интересны сегодняшним ученым и военным?.. Как вольной птице трудно жить в клетке, так и мне не ужиться среди «цивилизации», где каждый человек прежде всего раб условий общественной жизни. Но простор пустыни – вот о чем я день и ночь мечтаю. Дайте мне горы золота, я за них не продам своей дикой свободы. Н. М. Пржевальский

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092415-8

© Алейникова Ю. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Алейникова
Тайна русского путешественника

© Алейникова Ю., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

21 мая 2017 г.

Машина тряслась по расхлябанной после ливня лесной дороге, подпрыгивая на кочках, покачиваясь из стороны в сторону, как неуклюжий увалень, пока не добралась до толстого гниющего ствола повалившейся сосны, перегородившего дорогу.

Передняя дверца машины распахнулась, и из нее вылез крупный неповоротливый мужчина в длинном плаще, похожем на плащ-палатку, и высоких резиновых сапогах. Он хмуро осмотрелся по сторонам, закинул голову вверх, придерживая рукой капюшон, осмотрел серое, затянутое тучами небо и, хлюпая по напитанному влагой мху, отправился в лес. Там он ходил недолго, пока не нашел вывернутую с корнями огромную сосну и неглубокую яму с рыхлой землей. Вернулся к машине, достал из багажника лопату и потопал назад к яме. Затем, пыхтя, отдуваясь, то и дело утирая рукавом пот, принялся копать. Снова припустил дождь – сперва мелкая, едва заметная морось, потом сильнее. Мужчина накинул капюшон, но работу не прервал. Ковыряться он долго, сказывалось отсутствие привычки. Но наконец результат его удовлетворил, и он, тяжело дыша, воткнул лопату в землю. Постоял, прислонившись к стволу, отдышался и снова побрел к машине, устало опираясь на лопату.

Снова открыл багажник, но лопату убирать не стал. Наклонился. Поднатужился и вытащил из душного нутра машины длинный, замотанный скотчем сверток. Сверток заворочался, то ли пытаясь снова залезть в машину, то ли, наоборот, вылезти. Мужчина в плаще размял плечи, хрустнул шеей и, обхватив сверток снизу, резким бесцеремонным рывком вытащил его из машины.

Раздался громкий протяжный стон, больше похожий на рык раненого животного. Бессловесный, но полный муки и ужаса.

– Не нравится, падла? – зло, одышливо спросил мужчина в плаще и наотмашь пнул ногой лежащего на земле спеленатого человека. Снова раздался стон. Горящие ненавистью мутно-серые глаза буравили злодея взглядом. – Позыркай, pozyркай, – сплюнул на землю хозяин машины.

Отдышался, снова взял сверток за ноги и потащил по земле в сторону приготовленной ямы.

– Тяжелый, сволочь! – выругался мужчина, преодолевая очередную корягу – их в мокром, заросшем густым подлеском лесу валялось в изобилии. Сломанные бурями ветви лесных великанов, гниющие стволы молодых березок и осинок, откуда-то взявшиеся пни.

Стоны почти не прекращались – то ли они были свидетельствами боли, то ли отчаяния, то ли ругани, а может, и всего вместе. Не разберешь. Но они никак не влияли на происходящее. Наконец мужчина дотащил свой груз до выкопанной ямы и, оглядевшись, снова выругался. Лопата! Пришлось опять возвращаться к дороге. Маловероятно, что кому-то понадобится ехать в лес в такую погоду, но все же ему не хотелось затягивать со своим делом.

Притащил лопату. Встал над поверженным противником и, достав из кармана плаща длинный, снабженный глушителем пистолет, посмотрел жертве в лицо. На удивление спокойно посмотрел, без страха, без неуверенности.

– Ну что, вот и выяснили мы с тобой, кто из нас умнее и сильнее.

Поймал полный ненависти и страха взгляд, протянул руку и выстрелил, погасив в глазах лежащего на земле человека искру жизни.

Глава 1

Санкт-Петербург

15 мая 2017 г.

Сегодня в пресс-службе Следственного комитета города официально подтвердили информацию об исчезновении известного петербургского бизнесмена, владельца сети антикварных салонов Бориса Арчугова. О случившемся официально заявил начальник службы безопасности принадлежавшей Арчугову компании «Золотой ренессанс» Марат Катрич. Сейчас ведется проверка...

Вести. Местное время.

– Ну, конечно, убили! Не на шашлыки же увезли! – зло огрызнулась Лариса, туша в переполненной пепельнице очередной окуроч.

Бывшей жене пропавшего Бориса Арчугова было уже сорок семь, но выглядела Лариса от силы на сорок. Худощавая, с густой копной рыжевато-каштановых волос, въедливыми карими глазами и ухоженным, безупречно подкрашенным лицом, Лариса казалась записной стервой, каковой, собственно говоря, и являлась, хоть в этом была и не ее вина. Такой Ларису сделала жизнь. Жизнь с Арчуговым и жизнь после Арчугова. С Борисом они развелись лет пятнадцать назад, но стараниями Ларисы умудрились сохранить нормальные рабочие отношения, и все эти годы она продолжала руководить самым крупным салоном Бориса в городе.

– Как ты мог его проворонить? Ты, начальник охраны! – все еще ярилась Лариса, бросая злые, прожигающие насквозь взгляды на развалившегося в кресле Марата.

Марат был не только начальником охраны Арчугова, но и ее любовником. Очень удобно. Такое положение дел позволяло Ларисе полностью контролировать бывшего мужа. Она раньше всех узнавала о его новых интрижках, о рабочих проектах, удачных гешевах и любых неприятностях.

– А может, он сам свалил? Ты об этом не подумал? Может, он какую-нибудь подлянку придумал для нас?

– Какую? И зачем? – огрызнулся Марат.

Лариса не ответила, просто продолжила бросаться обвинениями.

– Идиот, как можно было допустить такое! – Дальше последовал поток безобразной жесткой брани. При всем своем воспитании и безупречных манерах Лариса любила иногда дать выход эмоциям в самой свободной форме.

– Хватит вопить. Я уже сто раз объяснял. Все шло как обычно. Он отправился на свидание к Вике, отключил телефон, обещал сам позвонить, когда освободится. Что мне надо было делать? Третьим с ними в постель залезть? – не менее зло ответил Марат, вылезая из кресла и нависая над Ларисой.

Как и полагается начальнику охраны, Марат был высоким здоровяком, особенно внушительно он смотрелся рядом с миниатюрной Ларисой.

– Он не доехал до Вики! – проорала ему в лицо Лариса.

В принципе, все подробности похищения Арчугова были ими уже сто раз проговорены. И в тысячный раз обвинять в случившемся Марата не было никакого смысла, но очень хотелось выместить на ком-то свое раздражение.

Особенно после сегодняшних новостей. Лариса вернулась за рабочий стол и, упав в кресло, потеряла виски.

– Расскажи еще раз, что сказал следователь? – попросила она Марата уже спокойным голосом.

– Пока тело Арчугова не найдено, он будет считаться без вести пропавшим. Фирма будет работать как работала, в отсутствие Арчугова руководить делами будет Олег Чемезов. Он зам, это логично.

– А если тело вообще никогда не найдут?

– Лет через десять признают по суду погибшим, – пожал плечами Марат.

– Меня это не устраивает, – жестко произнесла Лариса.

Мария Арчугова щелкнула пультом, выключая телевизор. Об исчезновении мужа трубили на всех каналах. И как только пронюхали? Плохо это или хорошо, Маша пока не понимала. Ясно только одно: Бориса больше нет. А значит, нет и развода, и она в глазах закона остается его законной женой. Маша самодовольно скривила губы.

С Арчуговым они были женаты почти пять лет, когда они расписались, Маша уже была беременна сыном. Собственно, поэтому они и расписались, бежать с ней в загс Арчугов не торопился. Да-а. Борис был бабником и жмотом. Все пять лет их брака он ей изменял, скрупулезно проверял, на что она тратит деньги, и не разрешал одной ездить на отдых. Только с сыном. А полгода назад вообще собрался разводиться. Заявил, что устал от скандалов. Свободу.

Что ж, развод отменяется, и это надо отпраздновать. Маша поднялась с дивана, дошла до бара и, ловко откупорив бутылку шампанского, налила себе высокий объемистый бокал.

– За свободу! За бабки! – громко провозгласила она, опрокидывая шампанское в себя. Великосветскими манерами Маша не злоупотребляла. Да и наплевать. С бабками она и так проживет.

С бабками... С бабками... Маша вернулась на диван. Арчугова больше нет, но бабки остались, и остались его компаньоны, и сотрудники, с которыми за эти самые бабки, очевидно, придется побороться. Маша вздохнула, но не безнадежно, а решительно: что ж, драться она умеет, было бы за что! Они еще не знают, с кем связались, пригрозила она потенциальным противникам. Но драки – это потом, а пока...

Маша взглянула на часы. Наум с няней вернутся с прогулки часа через полтора. Может, устроить себе праздник и прошвырнуться по магазинам? Кредитка при ней. И Маша поспешила одеться.

– Ну что, Павел Петрович, понравилась передача? – спросил капитана Сафонова начальник Следственного комитета города полковник Лукьянов. – По всем каналам крутят. Бизнес-сообщество волнуется. Адвокаты и маститые журналисты версии выдвигают, проводят круглые столы, интервью, нас, грешных, через слово поминают.

– Да видел я, – угрюмо кивнул капитан.

– Очень хорошо. Значит, все понимаешь. Отчитываться мне будешь каждый день. Пресс-конференции я беру на себя. Я слышал, у этого Арчугова родни уйма?

– Да уж. Одних жен три штуки, плюс дети, любовницы... Хватает, одним словом.

– Вот-вот. Поосторожнее с ними, во всяком случае, пока шумиха не утихнет. А она рано или поздно утихнет, – мудро подытожил полковник. – Так что дерзай.

– Дерзай! – крикнул Павел Петрович. – На мне еще труп Колокольникова висит.

– Так шевелись, не сиди сиднем! Раскрывай – и в суд. Подумаешь, «дело»! Ты мне Арчугова отрабатывать начинай, ну а уж Колокольников – это само собой. Ну? Что замерли, капитан? Выполняйте!

– Есть, – кисло откликнулся капитан и вышел из начальственного кабинета.

Антиквар Арчугов Борис Аркадьевич. Пятидесяти четырех лет, владелец крупного бизнеса, дорогой недвижимости в обеих столицах. Известная личность в городе. И вот он пропал...

Капитан хмуро вертел в руках фото толстого, холеного антиквара. Сытый, мордатый, в дорогом костюме, с аккуратной рыжей бородкой, прикрывающей жирный тройной подбородок, и маленькими глазками-буравчиками.

– Кому ж ты помешал, жирный боров? – с отвращением спросил капитан, отбрасывая фотографию. Сам капитан росту был невысокого, сложения изящного, на грозного стража порядка никак не тянул. Ну, так его работа – мозгами шевелить, а не бандитов скручивать.

Бизнесмен исчез два дня назад. Никаких требований к родным за это время не поступало. А следовательно, с вероятностью в сто процентов антиквар мертв. Если, конечно, не подался в бег. Но по общему свидетельству коллег, сотрудников фирмы, родственников и близких знакомых, неприятностей у антиквара не было. Значит, все же убит. Вопрос: кто, где, как, когда и где тело?

Предчувствия у капитана были самые скверные, сыщицкое чутье подсказывало, что дело обернется висяком. Но пока не обернулось, надо работать.

И он безо всякого энтузиазма подтянул к себе папку с делом. Как удалось установить следствию, Арчугов пропал тринадцатого мая около семи вечера. В этот день, закончив дела, антиквар заехал навестить жену и сына, проживающих в просторных апартаментах на Крестовском острове, после чего отправился к любовнице, с которой собирался поужинать и сходить в клуб. Охрану Арчугов отпустил около дома жены, но до любовницы, некой Виктории Долинской двадцати восьми лет, в этот вечер так и не добрался. Телефон антиквара не отвечает. По свидетельству начальника охраны Арчугова, шеф частенько отключал телефон, отправляясь на свидания с женщинами. Когда вечером Арчугов не вышел на связь, как обещал, начальник охраны занервничал и предпринял самостоятельные поиски, но, увы, антиквар как сквозь землю провалился. Вот и вся информация. Никто из опрошенных жен, сотрудников и знакомых его больше не видел. Ищи теперь ветра в поле, а он, может, где-нибудь за городом в безымянном пруду карасей кормит.

Капитан был пессимистом и при этом лучшим оперативником в городе.

– Ну что ж, – еще раз взглянув на несимпатичное, оплывшее жирком и самодовольством лицо предположительно убиенного антиквара, пробормотал капитан. – Любовь из числа мотивов, очевидно, можно исключить, остаются деньги. – И он снял трубку внутреннего аппарата. – Сергей? Зайди ко мне и Илью захвати, – буркнул в трубку Сафонов, и через пару минут ребята сидели у него в кабинете. – Поздравляю, господа сыщики, – бодро начал свою речь капитан, словно готовясь известить сотрудников о внеочередной премии, – на нас повесили дело антиквара Арчугова.

– Чего? – не оценил шутки Серега Скворцов.

– Антиквара? Это того, который пропал и о котором в новостях трубили? – быстрее сориентировался Илья.

– Именно, – подтвердил капитан.

– Блин.

– Ну ёлы-палы! – недовольно потянул Серега. – А с Колокольниковым чего?

Тело пенсионера Колокольникова с колотой раной в сердце было обнаружено вчера в его собственной квартире в Свечном переулке. Он был найден соседкой, которая частенько заглядывала к одинокому старику выпить чаю, поговорить – в общем, находилась с покойным в дружеских отношениях. К моменту обнаружения тела пенсионер был мертв не менее двенадцати часов. Кто и зачем убил одинокого, безобидного Семена Степановича Колокольникова, было неясно. Поиски убийцы затруднялись еще и тем, что вход в квартиру убитого располагался не в подъезде, как у всех, а прямо под аркой, откуда вела лестница на второй этаж. Так что со свидетелями было крайне напряженно.

Версию простого ограбления пришлось отбросить сразу же. Из квартиры убитого ничего не пропало, даже три тысячи рублей, лежащие в кошельке, обнаруженном в кармане пиджака

в прихожей, и те были на месте. Так же, как старинный серебряный брегет с гравировкой и небольшой плазменный телевизор. Одним словом, по свидетельству соседки, на первый взгляд ничего из квартиры убитого не пропало.

Дело оказалось непростым, и Павел Петрович уже предвкушал удовольствие от его распутывания. Да, капитан любил свою работу, любил азарт охоты, игру ума, разгадывание коварных преступлений, тайны и загадки, как в деле Колокольцева. В котором загадка была, а вот повышенного интереса начальства к расследованию не было. Не то что с Арчуговым. Павел Петрович вздохнул.

– Поступим так. Ты, Илья, продолжаешь заниматься Колокольцевым. Выясни, где он прежде работал, разыщи приятелей и родственников, пусть и дальних. Ищи свидетелей. Сергей займется фирмой Арчугова, побеседует с сотрудниками, руководством и так далее. Заодно смотайся к смежникам – что у них есть на пропавшего антиквара. А я займусь семейством Арчугова. С чего-то начинать надо, – опять вздохнул Павел Петрович.

Мария Арчугова на встречу с капитаном согласилась нехотя. Павлу Петровичу пришлось слегка надавить на вдовушку, прежде чем она соизволила уделить ему полчаса своего драгоценного времени.

– Сюда, пожалуйста, – указала ему на дверь средних лет женщина интеллигентной внешности, в строгом темном платье, с чистейшим петербургским выговором. То ли прислуга, то ли родственница – сразу и не сообразишь.

Мария Арчугова впечатление на капитана произвела скверное. А точнее, не произвела никакого. Нечто подобное он и ожидал увидеть. Вариации касались только цвета глаз и волос. Все остальное – по схеме. Смазливая девица с неестественно пухлыми губами – следствие пластической операции, пышным бюстом – тоже, скорее всего, искусственным, вызывающе одетая и с вызывающей манерой себя держать – воспитание у барышни определенно хромало. Очевидно, в собственных глазах Арчугова выглядела королевой, в глазах Павла Петровича – пустой, самодовольной, алчной душой, которой крупно повезло затащить в загс старого похотливого толстосума. Самой Арчуговой на вид было не больше тридцати.

Такая малосентиментальная особа легко могла заказать своего мужа, но для этого ей был бы нужен надежный помощник, и скорее всего, из близкого круга Арчугова, например охранник или компаньон, он же любовник. Потому что такие дамочки все свои проблемы решают исключительно через постель. Что ж. Проверим, поищем.

– Мария Игоревна, меня зовут Павел Петрович, я расследую обстоятельства исчезновения вашего мужа.

– А я тут при чем? – закидывая ногу на ногу, в хамоватой манере поинтересовалась антикварша.

– Не знаю, – чуть язвительно ответил Павел Петрович. – Может, при том, что вы его жена и официальная наследница? А может, при том, что в ближайшее время должны были стать бывшей женой и лишиться очень многого? Например, положения и денег, получив взамен алименты? Вы мне расскажите.

С такими шутками, как вдова антиквара, капитан предпочитал не церемониться – не оценят. Лучше сразу показать зубы, припугнуть, заставить нервничать – может, и сболтнут что интересное.

Слова капитана действительно заставили Машу нервничать. Что бы ни случилось с Борисом, а ее позиция очень уязвима. И все проклятый развод! Маша с трудом сдержала вздох. Все пять лет совместной жизни с Арчуговым она держала себя в ежовых рукавицах: никаких интрижек, никаких романов, знала, что муженек только этого и ждет. Сам Арчугов, разумеется, ни в чем себе не отказывал. Ну и скажите, кто бы стал молча терпеть подобное поведение?

Даже хитрая лиса Лариска не выдержала! А Маша с ее взрывным характером и, что уж греха таить, распущенностью – тем более. Ну не приучили ее родители держать все в себе! Увы.

Маша искоса взглянула на сидящего напротив полицейского и почувствовала себя очень одинокой, незащищенной и уязвимой. Надо срочно искать защитника, смекнула молодая вдова, продолжая смотреть на капитана пустым застывшим взглядом. И чем быстрее, тем лучше. А этого, из полиции, надо поскорее спровадить. Пока она не ляпнула чего-нибудь лишнего.

– Извините, лейтенант... – умышленно «ошиблась» Мария.

– Капитан.

– Не важно, – дернула плечом вдова. – Но мне не нравится тон нашей беседы, а потому я предпочитаю ее закончить. Следующая наша встреча состоится только в присутствии моего адвоката. Всего хорошего. – И с самым категорическим видом сложила на груди руки.

Павел Петрович внимательно взглянул на вздорную бабенку и решил: пес с ней. Беседу можно и отложить, а в следующий раз вызвать ее в управление, хоть и с адвокатом. Все равно ничего ценного услышать от вдовы он не рассчитывал. Просто хотел присмотреться. С этой задачей он справился. А значит, на сегодня Арчугову можно оставить в покое.

Что ж, теперь стоит встретиться с подружкой, к которой антиквар спешил в вечер своего исчезновения, размышлял Павел Петрович, вырuling на проспект. Личной выгоды от исчезновения антиквара Виктория Долинская на первый взгляд не получает, но вполне возможно, что дамочка за кругленькую сумму помогла кому-то заманить Арчугова в ловушку. Версия была неплоха, и ее стоило проверить.

Проживала красавица в новом доме на Черной речке. Дом не элитный, но приличный, с подземным паркингом и закрытой территорией. Значит, девушка не бедствовала, сделал очевидное заключение капитан.

Виктория согласилась встретиться с Павлом Петровичем сразу же, хотя и без особой радости. В отличие от законной супруги, девушка производила впечатление человека с интеллектом. Ладно скроенная натуральная блондинка с белыми, как у альбиноса, волосами, очень светлыми серо-голубыми глазами, прямым решительным носом и четко очерченной линией губ, манеры сдержанные, на лбу – штамп о высшем образовании. Павлу Петровичу она напомнила жительниц Скандинавии.

– Проходите в комнату. Обувь можете не снимать, – распорядилась Виктория, махнув рукой в сторону распахнутых дверей.

Да. Деньги у барышни имелись. Просторная, хорошо обставленная гостиная, пушистый ковер, какие-то безделушки на столиках. Павел Петрович плохо разбирался в подобной мишуре, но стоимость вещей определял интуитивно и, как правило, безошибочно.

– Я слушаю вас, – усаживаясь в кресло напротив, проговорила хозяйка квартиры, не выказывая ни волнения, ни страха. Равнодушно сказала.

– Я вижу, вы не расстроены пропажей вашего друга? – спросил Павел Петрович, внимательно наблюдая за собеседницей.

– Ну почему же? Огорчена, – пожала плечами Виктория. – Но вы же не ожидаете, что я буду заливаться горячими слезами, да еще и перед малознакомым человеком?

– И все же, я бы сказал, вы реагируете на происходящее весьма сдержанно, – не отступал капитан, продолжая давить в выбранном направлении.

– Ну, во-первых, мы были слишком мало знакомы, чтобы я испытывала чувство глубокого горя, – тем же равнодушным голосом пояснила Виктория. – Во-вторых, еще неизвестно, что произошло на самом деле. Возможно, Борис жив-здоров. И через день-два объявится.

– Вы действительно в это верите? – скептически взглянул на девушку капитан.

– А вы уверены в его смерти? Или у вас появились доказательства? – ответила вопросом на вопрос Виктория.

Тонкая штучка. Совсем не простая. Такую за рупь двадцать не купишь, пристально разглядывая девицу, подумал капитан. Такая способна принимать взвешенные решительные меры, если будет знать свою выгоду и будет уверена в успехе. Другой вопрос – в чем ее выгода? Пока они с Арчуговым не женаты, ловить ей нечего.

– Нет, доказательств у меня нет. И пока что я действительно ни в чем не уверен. Идет следствие. Расскажите, Виктория, как давно и при каких обстоятельствах вы познакомились с Арчуговым.

– Познакомились в клубе, месяца три назад. В День святого Валентина мы пошли с компанией в клуб, там был Арчугов с приятелями. Познакомились.

– Кто бы подумал, что Борис Аркадьевич был таким любителем танцпола! – усмехнулся капитан, продолжая провоцировать девушку. Очень уж она была спокойна.

– А кто сказал про танцпол? – насмешливо спросила Виктория. – Борис с его комплекцией предпочитал созерцать. Он пришел поглазеть на хорошеньких молоденьких девушек, так же как и его приятели. Все они уже вышли из танцевального возраста. Но у них появились иные достоинства. Например, состояния и положение в обществе. А они в мужчинах гораздо привлекательнее, нежели умение отплясывать в клубах. Вот и познакомились.

– Надо так понимать, что вы составили гармоничную пару, дополнив друг друга?

– Можно сказать и так.

– А вас не смутило, что Арчугов женат? У него есть ребенок, да и жена его – весьма привлекательная женщина.

– А почему меня это должно смущать? Если не смущало Арчугова? Это же его жена, – едва заметно пожала плечиком девица. Выдержка у нее была отменная и в сочетании с прагматичностью и цинизмом образовывала почти непрошибаемую броню.

– И с тех пор вы стали содержанкой Арчугова? – поинтересовался Павел Петрович, пытаясь нащупать границы зоны комфорта собеседницы.

– Нет. Содержанкой я стала не сразу. Сначала надо было набить себе цену. Он целый месяц за мной ухаживал, прежде чем мы перешли в стадию близких отношений.

– И поступили к нему на содержание, – гнул свое капитан.

– Уважаемый Павел Петрович, – продемонстрировала удивительную память Виктория. – Я приехала в Петербург из Тихвина, крошечный такой городишко, не имея денег и связей. Сумела поступить в университет, окончить его, обзавестись собственной квартирой, машиной. У меня даже есть маленький бизнес. Магазин подарков. Мои родители не могли мне помочь. Они милые, добрые, скромные люди, и я очень им благодарна, что они правильно меня воспитали. Но всего в жизни я добилась сама. Вы можете называть меня содержанкой, падшей женщиной, – выразительный взгляд на капитана. – Все это лишь слова. Да, я использовала Арчугова и, возможно, даже впоследствии вышла бы за него замуж. Времени не хватило. А теперь, после его исчезновения, мне придется искать другого спонсора.хлопотно и проблематично. Мне уже двадцать восемь, а вокруг пруд пруди молоденьких красоток, пустоголовых и доступных. Конкуренция. Так что исчезновение Арчугова нанесло ощутимый удар по моему благосостоянию. Надеюсь, вы это понимаете?

– Пока у меня нет доказательств обратного, да, – вынужден был признать капитан.

– Вот и хорошо, – кивнула девица. – А что касается событий тринадцатого мая, то я прождала Бориса до восьми, потом попыталась ему позвониться. Телефон не отвечал. И я решила, что у него срочные дела, возможно, переговоры или неприятности, но паниковать смысла не видела. Мало ли что могло случиться? Может, он встречался с другой женщиной? Я не собиралась ловить его за руку и устраивать сцены. Так что после двух звонков я успокоилась и решила, что он объявится завтра или послезавтра.

– Все ясно. С кем из окружения Арчугова вы знакомы? – спросил Павел Петрович, сочтя ее доводы вполне обоснованными.

– Ни с кем.

– Возможно, вы были знакомы с его друзьями?

– Нет. Он не горел желанием знакомить меня с ними. Боялся, что отобьют, – усмехнулась Виктория. – Борис, знаете ли, не был красавцем, тем более его вес... Он не хотел рисковать.

– Скажите, – напоследок решил поинтересоваться капитан, – не для протокола. А вам не было противно иметь дело с таким жирным боровом или деньги действительно не пахнут?

– Павел Петрович, – с сожалением взглянула на него девица, – человек, достигший его положения, должен как минимум обладать умом, сильным характером, учитывая сферу его деятельности, определенными знаниями. Все эти качества вкупе с деньгами и успехом гораздо привлекательнее в мужчине, чем смазливая внешность и мускулатура, которая очень быстро сдуется, стоит ему приземлиться на диван перед телевизором с банкой пива. Я ответила на ваш вопрос?

– Да.

– В таком случае – всего хорошего, – поднимаясь с кресла, решительно проговорила Виктория. – Мне надо собираться, у меня через час йога.

Дверь за капитаном с тихим щелчком захлопнулась. Виктория не спеша вернулась в комнату и, взяв мобильник, набрала номер.

– У меня только что была полиция, – сообщила она невидимому собеседнику, опустив приветствия и обращения. – Почему? Ищут пропавшего бизнесмена Арчугова... Да? А мне казалось, что визиты полиции не входили в наш план. Не дергайся, разумеется, я ничего не сказала и дальше не собираюсь. Думаю, ты понимаешь, что подобная преданность ценится высоко.

Виктория усмехнулась и закончила разговор.

Глава 2

15 мая 2017 г.

Илья Борисов сидел в небольшой комнатке уютной старомодной квартиры бывшего сослуживца и приятеля ныне покойного Семена Степановича Колокольниковца и слушал по-стариковски неспешный рассказ обнаруженного им свидетеля.

– Родственники? Были, конечно. Только дальние. Жена Семена умерла лет пять назад, сердечная недостаточность, а сын еще мальчиком погиб. Как – не знаю. Не спрашивал, не та, сами понимаете, тема, – развел руками маленький кругленький Николай Петрович и погладил круглую лысую макушку, украшенную одиноким пучком седых завитков.

– Но родственников вы хотя бы знаете? Они в Петербурге живут?

– Да вроде у него племянница была, Ириной, кажется, звали. Но она в Москве жила, а у нее сын был, вот его имени точно не помню. Племянница с семьей его навещала изредка, но из Москвы ведь не наездишься. А в последнее время он вроде с какой-то женщиной близко сошелся. Соседка его вроде бы. Тоже одинокая, помладше его будет, так вот она за ним присматривала, – охотно делился с симпатичным молодым оперативником Николай Петрович.

– Соседку звали Анна Михайловна?

– Вроде бы так.

– Хорошо, ну а как вы думаете, кто и за что мог убить Семена Степановича? Может, у него ценности какие-нибудь были? Или враги? – от полной безнадежности спросил Илья.

– Враги? Да ну, откуда? – махнул рукой Николай Петрович. – Человек всю жизнь проработал в конструкторском бюро, сто лет как на пенсию вышел, откуда у него враги? Да и потом, Семен всегда был человеком очень тактичным, отзывчивым, у таких, как он, врагов не бывает.

– Ну, может, у него какие-нибудь ценности были, о которых случайно жулики узнали? – не терял надежды Илья.

– Ценности? Не припомню, – покачал головой Николай Петрович. – Они с Галей обыкновенно жили, как все. Никаких таких ценностей у них не было.

– Ну как же? – впервые с начала разговора заглянула в комнату супруга Николая Петровича. – Простите, – смутилась она, взглянув на Илью, но рассказ свой все же продолжила: – Помнишь, Коля, мы у Семена Степановича на юбилее были?

– Нет.

– Ну, шестьдесят лет, незадолго до Галиной смерти? Ну? Они дома праздновали, – силилась напомнить Николаю Петровичу супруга. – А! – Она безнадежно махнула зажатым в руке кухонным полотенцем. – Была у них одна шкатулка, небольшая, но очень тонкой работы, и сразу видно – старинная. Я хотела взглянуть, она у них в серванте стояла, а Семен Степанович не разрешил. Это, говорит, очень старинная вещь, ему от прадеда досталась, а тому подарил кто-то. Какая-то знаменитость, еще до революции. Он называл, да я забыла кто. И что ее открывать нельзя, она на ключик закрыта, в ней хранится семейная реликвия. Тут нас к столу позвали, и я больше расспрашивать не стала, – виновато призналась супруга Николая Петровича. – Не знаю, уж насколько она ценная, но может, даже и серебряная с позолотой. Металл был темный, с желтыми вставками. Я запомнила потому, что орнамент гравировки был очень необычный.

– Так. Давно это было?

– Лет шесть назад, да, Коля?

Но Николай Петрович только растерянно пожал плечами.

– А какого размера была шкатулка, вы помните?

– Ну... – задумалась Анна Михайловна. – Примерно как вот эти две книги, – и она показала на стоящие на книжной полке два тома Пушкина. – Может, чуть поменьше.

Старинная шкатулка с семейной реликвией. Уже что-то, спускаясь по лестнице на первый этаж, размышлял Илья. Теперь стоит опросить Анну Михайловну, видела ли она эту шкатулку. И, кстати, есть ли у нее близкие родственники, дети например? Может, они тиснули шкатулочку, а старичка на тот свет?

Илья приободрился. Версия была правдоподобной и пока единственной.

– Что же это такое? (...) Почему деньги так быстро закончились? (...) – зло, скидывая с ног туфли, ругалась Маша, не обращая внимания на стоящего в дверях Даниила.

Здоровяк-охранник держал в руках пакеты с покупками и не торопился уходить.

Даниила к Маше приставил Арчугов. Антиквар не столько волновался за нее, сколько хотел держать под контролем. Даниил докладывал шефу о любых перемещениях и контактах бывшей жены. Учитывая взбалмошный и скандальный характер Марии, это было нелишним. К тому же Арчугов хотел первым быть в курсе ее возможных романов. Увы, вздорная психопатка была верна своему жирному старому муженьку или же умудрялась наставлять ему рога столь виртуозно, что даже Даниил об этом не знал.

Маша привыкла к этому типу, иногда он даже забавлял ее, рассказывал анекдоты, смешил. Возможно, Маша завела бы с ним интрижку, если бы не боялась, что он сдаст ее Арчугову. А потому предпочитала горячий секс на скорую руку с тренером в фитнесе или с парикмахером в салоне красоты. А что делать? Приходилось изворачиваться. Ей еще тридцатника нет, организм свое требует, а этот жирный уродливый боров Арчугов даже не смотрит в ее сторону. А впрочем, когда и смотрел, толку от этого было на два всхлипа. Вот и приходилось крутиться.

Но сейчас Машу волновали куда более серьезные проблемы, нежели секс. Деньги! Деньги! Почему они так быстро закончились на карточке и где и как пополнить эту самую карточку? Прежде деньги на счет переводил Арчугов, теперь его нет, наверное, надо позвонить в фирму, бухгалтеру? Или финансовому директору? Маша его однажды видела, противный такой, в очках. Невысокий Машин лобик бороздили глубокие морщины, личико было несчастным, печать забот и нужды исказила черты.

– Мария Игоревна, извините, что вмешиваюсь, – окликнул ее все еще топтавшийся в дверях Даниил.

– Чего тебе?

– Я вот думаю, теперь, без Бориса Аркадьевича, вам тяжело будет. Эти, из фирмы, наверняка вас обмануть захотят.

Маша насторожилась, губки сжались в узкую линию, а в лице появилось что-то крысиное, настороженное. Даниил слышал, как она звонила матери, жаловалась на безденежье и на отсутствие поддержки, на подлую Лариску, которая попытается отобрать у нее наследство, и на злых дяденек из арчуговской компании, с которыми придется иметь дело. «Дура! Не могла до дома доехать!» – выругала она себя, но все же спросила:

– С чего это ты взял?

– Не знаю. Но мне кажется, они вас не любят, особенно Лариса.

– И чего?

– Защитник вам нужен. Тот, кто будет ваши интересы представлять, – продолжал гнуть свою линию Даниил.

– Ты, что ли, набиваешься? – усмехнулась, расслабляясь, Маша и оценивающе посмотрела на парня.

– Да нет, куда мне. Тут нужен серьезный человек, меня они и слушать не станут, да и не понимаю я в этих вопросах, – отмахнулся Даниил, и Маша снова напряглась.

– А кто понимает?

– Был у Бориса Аркадьевича приятель такой – Таволжанин, может, помните? Они раньше какие-то дела вместе вели.

Маша судорожно пыталась вспомнить всех приятелей Арчугова, которых когда-либо видела. Но вот досада, она никогда не обращала на них особого внимания. Все они были старыми, женатыми, напыщенными снобами и смотрели на нее как на насекомое. К тому же муж, как правило, выпроваживал ее из комнаты в тех редких случаях, когда приводил гостей, чтобы не подслушивала их деловые разговоры и не позорила его неконтролируемыми выходками – на них Маша была большая мастерица и в начале их совместной жизни виртуозно использовала это оружие против Арчугова. Не хочешь купить пятую по счету норковую шубу? О'кей. Дожидаемся гостей и закатываем публичный скандал. Две минуты, от силы три – и шубка висит в шкафу, деньги Арчугов выдавал тут же, лишь бы заткнулась. Хотя, признаться откровенно, радоваться Маше пришлось недолго, Арчугов перестал выходить с ней в общество и водить гостей. По итогу ей же стало хуже. Но об этом Маша вспоминать не любила. Потом она, конечно, пыталась к нему подлизаться, всячески демонстрировала хорошие манеры, которые ей были привиты в раннем детстве, но о которых она в юном возрасте как-то вдруг подзабыла, решив, что грубый напор и нахрапистость принесут ей больше пользы в жизни. На первых порах принесли. Точнее, не на первых порах, а в мелких пустячных вопросах: сдать непонравившиеся туфли назад в магазин, потребовать зажатую официантом сдачу в кафе, протиснуться без очереди. В прочих жизненно важных вопросах подобная тактика никакого прибитку не давала. Люди просто отворачивались от нее, обещали помочь или уверяли, что ничего сделать нельзя, и Маша им верила, но со временем стала замечать, что ей помочь не могли, а не хотели, а ее более хитрым и сладкоречивым подружкам – могли и хотели. Например, ставили тройку просто так в четверти или прощали прогулы. А ей почему-то нет. Впрочем, в школе она этого еще не замечала, да и вообще была счастлива в собственном слепом самодовольстве, а по-настоящему учить ее жизни принялся Арчугов. Да. Потому она его и ненавидела. Сволочь! Тут Машин взгляд наткнулся на Даниила. Ах да. Кто же такой этот Таволжанин?

– Это маленький такой, толстенький?

– Нет. Наоборот, крупный, со светлыми волосами, – поправил Даниил.

– А с чего ты взял, что он мне поможет? – решив, что потом вспомнит, как выглядит этот тип, а сейчас надо понять главное, спросила Маша.

– Он сам сказал. Я его вчера случайно возле офиса встретил, он меня узнал, спросил, как у вас дела, и сказал, что, если вам с Наумом помощь нужна, он всегда готов.

Версия выглядела правдоподобно. В конце концов, она мать арчуговского сына.

– А что он за тип, чем занимается? – настороженно поинтересовалась Маша.

– Не знаю точно, – пожал плечами охранник. – У них с Борисом Аркадьевичем какие-то дела были.

Даниил лукавил. Он прекрасно знал, чем занимается Таволжанин. И встретились они вовсе не на улице и не случайно. Бизнесмен позвонил Даниилу и пригласил к себе в офис. Даниил приехал, и Таволжанин за приличное вознаграждение предложил поработать на него, а именно свести с женой Арчугова, помочь завоевать доверие, а в дальнейшем присматривать за бабой, так, на всякий случай. Какие у Таволжанина были в этом деле интересы, Даниил не знал, но на предложение согласился.

Маша продолжала морщить лоб, судорожно соображая, и наконец решилась. Лучше уж приятель Бориса, чем эта стерва Лариска, с ней Маше в одиночку не справиться.

– Хорошо, дай мне его номер телефона, я сама позвоню, – сказала она Даниилу. И тот, стараясь скрыть самодовольство, вытащил из кармана визитку Таволжанина.

Председатель совета директоров, почетный член Академии бизнеса, сопредседатель фонда, генеральный директор... Ух ты! У Маши жадно сверкнули глазки.

– А он женат, этот Таволжанин?

– Понятия не имею.

– Ладно, давай пакеты и топай, – опомнилась Мария. – Если понадобится, позвоню.

Но прежде всего надо позвонить в Борькину компанию и попытаться получить денег у них, а заодно прощупать, чем дышит его ближайшее окружение.

– Мария Игоревна! – На грубоватом лице Геннадия Сергеевича Таволжанина заиграла довольная плотоядная улыбка. Только вчера он вручил охраннику Арчуговой визитку, и вот уже результат! Молодец парень, оперативно. – Очень рад. – Несмотря на искреннюю радость, голос бизнесмена звучал сдержанно, даже сухоовато. – Примите мои соболезнования по поводу произошедшего с Борисом несчастья. За последние сутки ничего нового не слышно?

Нового? Маша растерялась. Признаться, ей в голову не приходило интересоваться новостями, да и у кого? У полиции? Полиция ее больше не беспокоила, и она предпочитала до поры до времени поддерживать этот статус-кво. У Борькиного окружения? Маша скривилась. Если коротко резюмировать суть ее беседы с исполнительным директором фирмы, а затем с финансовым (в бухгалтерию она звонить не стала – не солидно), так эта парочка ее просто-напросто вежливо послала, прикрывшись какими-то заумно сформулированными отговорками.

– Кажется, ничего, – неуверенно проблеяла любящая жена и жалобно добавила: – Мне никто ничего не рассказывает. В фирме мне ничего не объясняют, из полиции приходил какой-то тип, допрашивал меня как преступницу... – На этих словах Маша всхлипнула и, добавив в голос надрывности, вывалила собеседнику свою главную проблему: – А у меня деньги кончились. Мне даже еды ребенку не на что купить! И прислуге платить надо, нянька того и гляди нас бросит, что мне тогда делать?

Терпения на долгие реверансы у Маши не хватало, она предпочитала брать быка за рога.

– Ну что вы, что вы! Стоит ли огорчаться из-за таких пустяков, как деньги! – заурчал в трубку Геннадий Сергеевич. – Давайте-ка я заеду к вам вечером, после работы, и мы не спеша обсудим, как вам помочь, а пока я могу просто одолжить вам необходимую сумму.

Предложение Маше понравилось, она пропустила мимо ушей решение одолжить ей необходимую сумму, вычленив для себя главное: денег ей дадут, а уж она постарается, чтобы их давали часто и много. А теперь надо было привести себя в порядок, выбрать подходящий наряд и спровадить к матери Наума.

– Лидия Владимировна, отвезите Наума к бабушке, я сейчас прикажу Даниилу подать машину. Соберите ему что надо из вещей, он там на два дня останется. А может, и на три, – добавила, подумав, заботливая мать: кто знает, как у них с Таволжаниным все сложится?

Глава 3

15 мая 2017 г.

К Анне Михайловне Ступиной Илья добрался только в семь вечера. Дама была дома, готовила ужин и лейтенанта приняла неохотно.

– Ох, и что вы меня мучаете? – вздыхала хозяйка, ведя гостя на кухню. – И без того по ночам не сплю, все Сему-покойничка вижу, а тут еще вы все ходите и ходите!

– Почему это мы ходим? – обиделся Илья. – Вас как опросили в день обнаружения тела Колокольникова, так больше и не беспокоили.

– Это вы не беспокоили, а товарищи ваши беспокоили, – возразила ему Анна Михайловна, спеша убавить газ под сковородкой.

– Это кто, если не секрет? Вы фамилию его запомнили? – несколько удивился Илья. Неужели капитан что-то накопал, а ему не сообщил, сразу же к Анне Михайловне поехал?

– Да вроде Петров. Молодой такой, видный, волосы рыжеватые, – вороша шкварчащую на сковородке картошку, припоминала Анна Михайловна.

– Нет у нас никаких Петровых, – озабоченно нахмурился Илья. – А когда он приходил?

– Да с утра, часов в десять. Я в поликлинику как раз собиралась, а тут он, ну и опоздала, пришлось опять записываться. Теперь уж только на следующей неделе попаду. А ведь хотела в субботу на дачу на недельку съездить, дом намыть, грядки вскопать, и с дочерью уже договорилась, чтобы отвезла меня. Семен Степанович покойный тоже думал со мной на лето поехать. На воздух. Да-а...

– У вас дочь есть? – оживился Илья.

– Ну да. И двое внуков. Дочка у меня в банке директором департамента работает, муж – тоже начальник, сами они на дачу не ездят, все по Испаниям да Франциям колесят, а мне и в Сиверской хорошо, да вот внуков еще на пару месяцев подкинут, – неспешно рассказывала Анна Михайловна, гремя тарелками. – Вы как, поедите со мной? Картошка на сале и огурцы у меня соленые еще с зимы остались.

Илья, у которого от вида золотистой картошечки и запаха жареного сала слюноотделение уже зашкаливало, с радостью согласился, решив, что саму Анну Михайловну и ее состоятельную дочь можно исключить из числа подозреваемых. Вряд ли директор департамента станет старичков из-за шкатулки резать.

– А зачем наш сотрудник к вам приходил? – с аппетитом наворачивая картошечку, поинтересовался Илья.

– Да зачем и вы. Спрашивал, давно ли мы знакомы с Семеном Степановичем. Не знаю ли я его родственников, давно ли они его навещали, да где живут, адреса телефоны. Так я вам уже говорила, что не знаю адресов, – доставая из банки хрустящий соленый огурчик, объясняла Анна Михайловна.

– А свой телефон он вам на всякий случай не оставлял?

– Нет, не оставлял. Да и зачем он мне? Больше, чем знаю, не вспомню, – категорично заявила Анна Михайловна.

Она вообще была женщиной бодрой, энергичной и решительной, в квартире у нее царил идеальный порядок: ни пылинки, ни соринки, тарелки, чашки, кастрюльки выстроились в шкафах как по ранжиру, и уж если Анна Михайловна заявляла, что она чего-то не знает, ей можно было верить.

– Анна Михайловна, а вы не видели у Семена Степановича старинной шкатулки, то ли серебряной, то ли позолоченной, вроде бы ему по наследству досталась?

– Шкатулки? – задумалась Анна Михайловна. – Да нет. Не видала. А большая шкатулка?

– Вроде бы не очень, вот такая примерно, – изобразил руками Илья. – Но сразу видно – старинная.

– Нет. Такой не видала.

– Ну что ж. Спасибо вам за ужин, спасли от голодной смерти, – поднимаясь из-за стола, поблагодарил Илья. – А вот если вдруг вам позвонит наш сотрудник Петров или наведается, вы тут же прямо немедленно позвоните мне вот по этому номеру.

– Значит, не из ваших был? – сердито поджала губы Анна Михайловна. – Провел меня, паразит! А я и документ спросить не сообразила, на слово поверила, старая калоша! – И, посопев немного, решительно спросила: – Есть у вас художник, чтобы со слов портреты рисовать, как в старых фильмах про милицию?

– Есть.

– Поедемте. Пока помню, фоторобот его составим. Так это называется?

– Так.

– Поехали. Вот только платью быстренько переодену и кофту возьму, а вы пока предупредите там своих, чтобы подготовились, – деловито распоряжалась Анна Михайловна.

– Анна Михайловна, а вы кем раньше работали? – крикнул ей вслед Илья.

– Начальником цеха на заводе турбинных лопаток, – зычным голосом ответила Анна Михайловна.

– Вот это женщина! – с уважением отметил Илья и стал звонить капитану. Но прежде чем везти Анну Михайловну в управление, он сбегал взглянуть на квартиру Колокольникова. Печати были сорваны, квартиру определенно вскрывали.

Пришлось вызывать участкового, договариваться с капитаном Сафоновым, чтобы тот прислал человека присмотреть за квартирой, потом везти в управление Анну Михайловну, передавать ее с рук на руки сотрудникам экспертного отдела. В итоге они с капитаном лишь в девять вечера попали в квартиру убиенного Семена Степановича, оба хмурые и полные дурных предчувствий. У обоих имелись жены, которые не одобряли поздние возвращения домой.

– Значит, выходит так, – присаживаясь возле стола, устало проговорил капитан, когда обыск квартиры Колокольникова был закончен и шкатулка не нашлась. – Если мотивом убийства Колокольникова была шкатулка, значит, тот, кто его убил, знал о ней и действовал охотник за шкатулкой, назовем его так, или по наводке, точнее, по заказу, или самостоятельно. Второе мне кажется вероятнее, потому что больше ничего в квартире не тронули – ни деньги, ни вещи. Наемный вор наверняка прихватил бы с собой наличность. – Илья согласно кивал. – Но если предположить, что так оно и было, следовательно, шкатулка представляла собой большую ценность. За пустячок убивать не стали бы. Вопрос – денежную или историческую?

– Да, конечно, денежную! – не удержался Илья. – Кого сейчас семейные реликвии интересуют, если они цены при продаже не имеют?

Капитан на это заявление отвечать не стал, только крякнул и головой покачал. Молодо – зелено. И продолжил свои рассуждения:

– Но если шкатулка была похищена, то кто и зачем приходил к Анне Михайловне Ступиной и расспрашивал про шкатулку и про родных покойного Колокольникова?

– Конкуренты? – предположил Илья.

– Не думаю. Скорее всего, убийца не нашел шкатулку и предположил, что Колокольцев передал ее родственникам. Ведь прямого наследника у него не было.

– Значит, он продолжит охоту за шкатулкой? – обрадовался Илья.

– Вот именно. Надо срочно разыскать родственников Колокольникова, – кивнул капитан. – И еще. Зачем он вчера полез в квартиру убитого? Ведь это риск, что опять-таки говорит о большой ценности шкатулки.

– Хотел еще раз как следует обыскать квартиру, проверить, нет ли тайников, – не задумываясь ответил Илья.

– Не думаю. Квартиру логичнее и безопаснее было обыскать в первый визит, когда было совершено убийство. Ведь что интересно: Колокольникова не пытали, а, судя по расположению тела, убили сразу же, как только хозяин с убийцей вошли в комнату. Значит, убийца был уверен, что шкатулка на месте. Понимаешь, куда я клоню? – капитан взглянул на Илью.

– Ну да. Значит, убийца уже бывал у Колокольникова и шкатулку видел.

– И возможно, сначала хотел договориться по-хорошему. Или не был готов к решительным действиям в первый визит.

– Или ему кто-то помешал, – добавил Илья.

– Точно. К тому же дверь в квартиру не была взломана, Колокольников сам впустил убийцу и, очевидно, его не боялся, – поднял палец вверх капитан.

– Ну да. Но шкатулку все же припрятал, – поддакнул Илья.

– Именно. Может, потому и не боялся, что шкатулки в квартире уже не было? – потирая лоб, проговорил капитан.

– Наверняка.

– Куда он мог ее деть? – глядя в одну точку, размышлял Павел Петрович. – Шкатулка небольшая, но все же заметная. А за Колокольниковым могли следить. Стал бы он рисковать и сам вывозить ее из дома? А если бы и стал, то куда? К приятелю, по почте родственникам? В банковскую ячейку? В камеру хранения?

– От них был бы ключ. Может, убийца приходил его искать?

– Может. А может, он искал записные книжки покойного? Письма, адреса, телефоны друзей и родственников? Не зря же он приходил к Анне Михайловне... – так же задумчиво проговорил Павел Петрович.

– А они все у нас! – радостно напомнил Илья. – Точнее, книжки и телефон покойного. А письма кто сейчас пишет?

– Сейчас нет, – согласился Павел Петрович. – Вот что, осмотри еще раз квартиру и собери все записи, блокноты, письма, открытки. Все, что найдешь.

– Зачем? – робко спросил Илья, тоскливо поглядывая на часы.

– Вдруг в письмах упоминания о шкатулке встретятся. А на открытках – адреса друзей и родственников, – выразительно глядя на несообразительного помощника, пояснил капитан. – Ищи давай. Вопросы он тут задавать будет... – И, поднявшись с места, тоже принялся за поиски.

– Ну, ребята, докладывайте. – Капитан Сафонов крутанулся в новом современном рабочем кресле, как мальчишка, расплывшись в довольной улыбке. Он всегда мечтал о таком, но не надеялся, что начальству придет в голову осчастливить сотрудников подобными буржуйскими изысками. И вот нате вам: во всем отделе новая мебель и крутящееся кресло! Поймав на себе насмешливые взгляды подчиненных, капитан смутился, слегка порозовел и, нахмутив брови, строго сказал:

– Хватит веселиться. Докладывайте.

– Можно начинать? – справившись с неуместным весельем, спросил курносый, круглощекий лейтенант Скворцов.

– Валяй.

– Был в офисе Арчугова, встречался с руководством, беседовал с сотрудниками. Никаких неприятностей в компании не было, личных неприятностей у Арчугова, судя по всему, тоже. Разговаривал с Яшиной Ларисой Викторовной, по совместительству бывшей женой Арчугова. В разводе уже давно, лет пятнадцать. Отношения нормальные, рабочие. Никаких личных моментов между Арчуговым и его «бывшей» сотрудники ни разу не заметили. Видно, все уже перегорело. Яшина на должности директора магазина сидит уже давно, еще до развода

помогала мужу вести бизнес и умудрилась сохранить теплое местечко и после развода, имеет в магазине свою долю.

– Сколько ей лет? Дети есть? Новый муж? – накидал сразу же несколько вопросов капитан.

– За сорок, точнее не скажу. Паспорта не видел. Деловая такая тетка, конкретная, уверенная в себе, довольно симпатичная. Только тощевата, на мой вкус, – поделился наблюдениями Сергей.

– А мы не твой вкус обсуждаем, – одернул его капитан, памятуя недавнее веселье. – Что еще?

– Есть дочь, общая с Арчуговым, уже взрослая, живет и учится в Штатах. В России появляется редко. Мужа у Яшиной сейчас нет. После Арчугова была замужем, но недолго. Теперь, кажется, крутит роман с начальником охраны Арчугова Маратом Катричем. Сплетни конкретными фактами не подтверждены, но даже если у них не роман, то отношения очень тесные.

– А вот это интересно! – оживился капитан. – Бывшая жена, она же компаньон, и начальник охраны. Он же, как я понимаю, поднял тревогу и первым заявил об исчезновении шефа?

– Ну, вроде того. Но непонятно, зачем им это. У Арчугова, помимо дочери от Яшиной, есть еще двое детей. Старшая дочь и младший сын от нынешней жены. Плюс эта самая жена. К тому же Яшина не является полноценным партнером. Ей принадлежит какая-то часть магазина, которым она руководит, но это все.

– Большая часть? – уточнил Павел Петрович.

– Пятьдесят процентов.

– А ты говоришь – какая-то! – усмехнулся капитан. – Магазин в собственности? На Невском? Ну! А еще дочка имеет право на наследство, точнее, ее дочь. Я бы Яшину со счетов не списывал.

– А я и не списываю, – поспешил согласиться Сергей.

– Ладно. Дальше что?

– Дальше. В последнее время Арчугов работал над выводом основного капитала за рубеж.

– Вот это уже совсем интересно! Откуда сведения? – поинтересовался капитан.

– От наших смежников. Арчугов в последнее время стал активно скупать недвижимость за рубежом. Открыл магазины в Париже и Лондоне. Купил дом в Испании, а два года назад на него пытались наехать и отжать бизнес, но он отбил, – продолжал рассказывать лейтенант.

– Кто пытался?

– Москвичи. Но Арчугов оказался не промах, задействовал административный ресурс, дернул за ниточки в силовых ведомствах. В общем, отбил. Но задумался.

– Ладно, покопай в этом направлении, может, не все так хорошо закончилось, как он представил общественности, – распорядился капитан. – Еще что?

– Персонал ни о каких наездах на компанию не слышал. Работают в штатном режиме. Об исчезновении Арчугова узнали по телевизору, утром в каждом магазине собрали сотрудников, велели языками попусту не чесать, работать как ни в чем не бывало. Так что стараются помалкивать, чтобы не вылететь с работы. Это все... Ах да! В налоговой все в порядке, претензий к Арчугову и компании нет.

– Ясно. Это все?

– Нет. Дружественные СМИ сообщают: Арчугов поднялся в мутные девяностые, предположительно, начинал с контрабанды икон, потом завел легальный бизнес. Сам он по специальности инженер-электроэнергетик или что-то в этом роде. Дед его был ювелиром, работал в маленькой мастерской на Конюшенной, мать была искусствоведом, видимо, они и пристрастили мальчика к произведениям искусства. Трупов конкурентов за Арчуговым не числится, хотя незаконной деятельностью, связанной с торговлей антиквариатом, занимался, и даже несколько раз на него заводили дела, но каждый раз закрывали. Благотворительностью не увле-

кается. Любит светские тусовки. Характер имеет склочный, скуповат, хитер, любит пожрать, но это и так видно по его морде, – не особенно тактично заметил Сергей. – Говорят, не так давно собирался открыть свой ресторан, но потом планы изменились и он стал вкладываться в заграничные проекты. Все.

– Пока что эта информация нам в поисках антиквара никак не помогает, – крутя в пальцах ручку, заметил капитан. – Нужны мотивы.

– Ну, Арчугов собирался разводиться с женой, жадничал, наверное, вот она его и заказала, – пожал плечами Сергей.

– Или партнерам по бизнесу не понравилось, что он выводит капитал, и решили его грохнуть. Отобрать бизнес у жены не составит труда.

– А у него были компаньоны? – приподнял бровь Павел Петрович.

– По сути, нет. Представителям высшего руководства компании принадлежат небольшие доли в фирме. Это все, – пояснил Сергей.

– Но на определенном этапе были и другие. Некто Таволжанин Геннадий Сергеевич, лет десять назад у них были общие дела, они даже пытались организовать отечественный аукционный дом, вроде «Кристи», – подглядев в бумажку, поведал Илья. – Но чего-то у них там не заладилось. Дело не пошло, компаньоны разругались, потом, правда, помирились, но больше к совместным проектам не возвращались.

– Чем занимается этот Таволжанин?

– У него своя фабрика по производству звукоизоляционных материалов, строительная компания, специализирующаяся на загородном домостроении, несколько отелей в городе, туристическая компания, какой-то фонд поддержки бизнеса, два ресторана...

– Разносторонняя личность, – заметил капитан. – По нашей линии за ним что-нибудь числится?

– Да, бизнес свой начинал в качестве бригадира одной из ныне почивших бандитских группировок, но вовремя сориентировался, подался в бизнес. Внедрил партнером в несколько небольших фирм, спустя какое-то время их прежние владельцы при различных обстоятельствах погибли, установить связь Таволжанина с их смертью следствию не удалось. Один разбился на машине, другой выпал из окна, на третьего напали в подъезде, и Таволжанин стал единоличным владельцем бизнеса. Затем он успешно расширился. В общем, типичный путь российского бизнесмена.

– Ну и какое отношение он может иметь к пропаже Арчугова, если они уже несколько лет совместные дела не ведут?

– Не знаю, но в бизнес-сообществе ходят слухи, что Арчугов не так давно подставил его на кругленькую сумму, а Таволжанин не из тех, кто остается в долгу.

– Ладно, займись им. Еще версии будут?

– Не знаю. Может, любовница? – неуверенно предположил Сергей.

– А ей зачем? – скептически усмехнулся капитан.

– Не знаю. Но кого-то подозревать надо?

– Надо. Но для этого нужны факты. Раз их нет, значит, плохо искали, – наставительно заметил капитан. – Ладно, давайте оттолкнемся от обстоятельств похищения. Как удалось установить в ходе следствия, похитили Арчугова при выезде от жены и сына. По свидетельству консьержки, Арчугов вышел из подъезда, сел в свою машину и не спеша выехал со двора. Затем консьержке показалось, что в арке он притормозил, но ей был виден только багажник машины, что происходило в арке, она не знает. Однако нам удалось отыскать свидетеля, который видел, как из арки примерно в это время выезжал белый «Мерседес» S-класса с несколькими мужчинами в салоне, один из них был очень толстый. Арчугова свидетель по фото не опознал, но, судя по времени, в которое свидетель видел машину, это был «Мерседес» Арчугова. Значит, похитители поджидали его в арке. Скорее всего, перекрыли выезд, втиснулись в машину,

вероятно угрожая пистолетом, и увезли, – вертась туда-сюда в кресле, рассуждал капитан. – Вопрос: за Арчуговым следили? В таком случае почему охрана не заметила слежку? Была в сговоре с похитителями? Или похитители – профессионалы, не позволившие себя засечь? Или им заранее были известны планы антиквара, они устроили засаду возле дома жены, дождались, когда уедет охрана, и провернули операцию? В таком случае кто мог навести их на Арчугова? Та же охрана? Жена? Любовница? Кто-то из коллег?

– Надо выяснить, кому были известны планы Арчугова на вечер, – вставил Илья. – Ну, кроме жены и охраны.

– Любовница говорит, что не знала, откуда именно едет Арчугов. Они договорились о встрече еще в середине дня и больше не созванивались. Заместитель, некто Олег Чемезов, знал, что Арчугов собирался заехать за продуктами и затем навестить жену с сыном. Вроде бы мальчик простудился, – пролистывая страницы дела, комментировал капитан.

– Значит, надо проверить мотивы заместителя, – сделал себе заметку Сергей.

– Разумеется. Но тут с мотивами напряженно. Впрочем, он мог состоять с кем-то в сговоре, – кивнул капитан. – Далее. О планах Арчугова, предположительно, знала Яшина. У нее тесные взаимоотношения с Катричем, начальником охраны Арчугова.

– Значит, жена, Таволжанин, Яшина, заместитель, охранники и кто угодно еще, с ними связанный, – подвел итог Илья.

– Именно, – согласился капитан.

– Всего-то и делов, – усмехнулся Сергей и тут же себя одернул: – Ладно. Будем действовать методом исключения.

– Это раз. Во-вторых, похитители наверняка приехали к дому Арчугова на своей машине. Кто-то мог их видеть. Надо продолжать искать свидетелей. И выявлять круг общения всех причастных к делу. Кстати, совсем забыл: у Марии Арчуговой имеется прислуга, она тоже могла знать о планах антиквара навестить жену и предупредить кого надо.

– Блин, во работенка! Когда нам такой пласт поднять? – простонал Илья, хватаясь за голову. – Мы с Настей хотели в выходные на дачу смотаться, шашлыки, то-се, пока погода хорошая.

– Обойдешься, – безжалостно отрезал капитан. – Вот дело Арчугова закроем, и тогда пожалуйста – хоть шашлыки, хоть люля-кебаб. Илья, что у нас с Колокольниковым, нашли родственников?

– Теоретически нашли, а практически – нет, – как-то неопределенно ответил Илья.

– Это что значит?

– Мы разыскали в записной книжке адрес и телефон его племянницы. Сперва нашли старые поздравительные открытки, там были ее фамилия и старый адрес, а с их помощью отыскали в записной книжке и новые. В общем, живет в Москве, предположительно, имеет мужа и сына, но в данный момент ни один ее телефон не отвечает. Ни домашний, ни мобильный. Пытались дозвониться ее мужу, и тоже безрезультатно. Может, их уже того?.. Тоже пристукнули?

– А вот это ты в Московском следственном комитете узнай, и вообще, надо попросить коллег выяснить, что случилось с племянницей Колокольникова. Как, кстати, ее фамилия?

– Колокольникова. Наверное, фамилию на мужнину не меняла, – предположил Илья.

– Вот и выясни. Они нам позарез нужны.

– Позарез они скорее нужны преступнику, – неловко пошутил Илья, получил в ответ строгий начальственный взгляд, стушевался и поспешил сменить тему. – А что мы будем делать с фотороботом, который составила соседка Колокольникова? Объявим в розыск и покажем по телику?

– В розыск объявим, но никакой публичности. Этот тип может затаиться, и ищи потом ветра в поле. Нет. Только по полицейским каналам. И еще неплохо бы выяснить, куда делась шкатулка.

Глава 4

А еще мир прекрасен потому, что можно путешествовать.
Н. М. Пржевальский

*Лондон, Даунинг-стрит, 10,
март 1879 г.*

– Садитесь, Кори, вы знаете, я не люблю этих церемоний. – Дизраэли протянул к огню тонкие болезненно-бледные руки и зябко поежился. – Постойте, надо подкинуть еще угля. Мне сегодня особенно нездоровится. Вы принесли бумаги из Форин-офиса? Давайте.

Кори, невысокий, чуть сутулый, несколько раздавшийся в талии, безмолвно улыбнулся и с уважительным поклоном передал своему патрону пухлый тисненый бювар с донесениями.

– Это от лорда Литтона из Индии, – ворчливо заметил Дизраэли, поднося к глазам первый из документов и прекрасно зная, что Кори уже тщательно изучил содержимое бювара. По мере ознакомления с донесениями бледное вытянутое лицо Дизраэли все больше кривилось брезгливым недовольством.

– Кажется, наш любезный вице-король стал терять былую хватку, – прикрывая бювар, сообщил он своему секретарю. – Садитесь, Кори, садитесь.

Премьер-министр Британской империи, первый лорд казначейства Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд, был уже стар. Ему недавно исполнилось семьдесят четыре, и, хотя ум его, как и прежде, оставался деятельным, неутомимым и изворотливым, тело, увы, было не так крепко, как прежде. Долгий путь к власти закалил его волю, выработал выносливость и трудолюбие. Его буйный природный темперамент все еще давал себя знать, и, несмотря на точащие его тело хворобы, лорд был по-прежнему непримирим и пылок в борьбе с врагами королевства, то есть со всем миром.

– Два года, Кори, два года прошло с тех пор, как я вручил ее императорскому величеству корону Индии, а наши восточные владения снова в опасности! Завоевание Афганистана – необходимость. Россия вынуждает нас к активным действиям, и я надеюсь, что лорд Литтон понимает это не хуже меня. Второго поражения быть не может! – Дизраэли открыл глаза и взглянул на своего собеседника невероятно живым для его сонной, расслабленной позы взглядом. – Вы слышите, Кори? НЕ может!

– Но что скажет Европа? – кратко спросил секретарь, отлично зная, чего ожидает от него премьер-министр.

– Европа? Какое дело Европе до наших индийских владений? Да и потом, мы всегда можем объяснить наши действия агрессивной политикой России в Центральной Азии. Царь Александр угрожает нашим индийским владениям. – Дизраэли снова скривился. – Самое ужасное, Кори, что именно так оно и есть. Индия – не просто жемчужина нашей короны, но и ее ахиллесова пята. Что отделяет нас от русских? Афганистан? Памир? Русские за последнее десятилетие подошли вплотную к границам Индии, и, как показало восстание сипаев, это соседство представляет для нас немалую опасность. В прошлый раз царь Александр отказался оказать сипаям военную помощь и принять их в состав своей варварской империи, а вдруг в следующий раз он не совладеет с этим соблазном? Или наши османские друзья будут так обессилены, что не смогут втянуть его российское величество в очередной военный конфликт? Нет, дорогой Кори, мы вынуждены оградить себя и свои владения от российской угрозы!

Кори, давно и хорошо знавший премьер-министра, согласно кивал головой, протягивая к огню коротенькие худые ноги.

– И, кстати, вам что-нибудь говорит фамилия Пржевальский?

– Пржевальский? Ну разумеется, господин премьер-министр. Вся Европа восхищается его подвигами, научный мир рукоплещет, а книги Пржевальского о совершенных им открытиях переведены и на английский. Я также знаю, что, помимо российских наград, он удостоен золотых медалей Парижского и Берлинского географических обществ, не считая прочих, более скромных регалий.

– Вот именно. Надо распорядиться, чтобы Лондонское географическое общество также отметило его заслуги перед наукой, – поднял палец вверх Дизраэли, и Кори, тут же послушно достав блокнот, сделал соответствующую пометку. – Но сейчас я говорю не о его научных открытиях, а о его подрывной работе, о том, сколь большой вред британской короне наносят его так называемые научные экспедиции! Вы имеете представление, где сейчас находится сей непоседливый господин?

– Ни малейшего, господин премьер-министр.

– В Зайсане, мой дорогой. На границе Китая. Этот господин мечтает, преодолев пустыню Гоби, добраться до Лхасы.

– Тибет? Но еще ни одному европейцу не удалось попасть на территорию Тибета. Далай-лама и цинские регенты этого не допустят!

– Мой дорогой Кори, мы с вами не можем знать, что допустит и чего не допустит Далай-лама. Мы можем лишь утверждать, что наши с вами попытки проникновения в Тибет с треском провалились. Даже наши хитроумные пандиты и те спасовали, сколько я помню, лишь один из них смог вернуться из предпринятого путешествия живым.

– Да, но почему вы считаете, что русские достигнут большего успеха в своем предприятии?

– Кори, это так очевидно! Китайские власти не простили нам победы в опiumной войне, а в Индии достаточно подданных Далай-ламы, которые доносят ему о некоторых недовольствах, имеющих место быть среди ламаистского населения. И в то же время территории Центральной Азии, недавно присоединенные к России, в большой мере населены адептами ламаизма. Далай-лама вполне может счесть полезным для себя наладить дружественные сношения с царем Александром. А наша задача, в свою очередь, этого не допустить.

– Но я не представляю, как это возможно. Мы не имеем никакого влияния на Лхасу. И даже регенты императора Гуансюй для нас недостижаемы. – Озабоченность Кори явственно читалась на его обычно скудном и невыразительном лице.

– Вы меня удивляете! – сердито буркнул в ответ Дизраэли, раздраженный непонятливостью обычно весьма сообразительного помощника. – Используйте проверенные методы, разошлите наших агентов по пути следования экспедиции, не жалеите средств. Местное население должно быть уверено в том, что русские... – он пощелкал пальцами, словно помогая дельной мысли поскорее оформиться, – желают похитить Далай-ламу. И, кстати, было бы неплохо лишить их возможности закупки продовольствия на территории Внутренней и Внешней Монголии. Надеюсь, это вам по силам? – постукивая пальцами по подлокотнику кресла, поинтересовался Дизраэли, одаривая своего секретаря чуть презрительным взглядом. – Не жалейте денег, на наше с вами счастье, китайские чиновники так же алчны, как и прежде. Подкупайте проводников, распускайте слухи. Свяжитесь с лордом Литтоном и подготовьте записку в Форин-офис, пусть тоже поработают. Если русские проникнут в Тибет и сумеют взять его под свой контроль, они буквально возьмут нас за горло. Мы не можем этого допустить. Действуйте, Кори. Действуйте немедленно! Обо всех новостях, связанных с экспедицией Пржевальского, докладывайте немедленно. И да, – спохватился он, останавливая пятившегося к дверям кабинета Кори, – я не буду сильно страдать, если господин Пржевальский в этой экспедиции погибнет. Согласитесь, преодоление Гоби, да еще неведомых науке горных хребтов и перевалов, – дело рискованное... – Дизраэли мечтательно улыбнулся, прикрывая глаза.

Успех путешествия в таких диких странах, какова Центральная Азия, много, даже очень много зависит от таких условий, которые невозможно определить заранее. Необходимо рисковать, и в этом самом риске кроется значительный, пожалуй, даже наибольший шанс успеха.

Н. М. Пржевальский

– Ну что ж, друзья, с Богом! – стоя перед построившимся в шеренгу отрядом, перекрестился Пржевальский. – И пусть их там дипломаты ведут переговоры, торгуются из-за Кульджи, наше дело – исследование новых земель во славу Российской и на благо отчизны! – Эти несколько напыщенные слова у Николая Михайловича прозвучали просто и проникновенно, и, сказав свою коротенькую торжественную речь, он вскочил на коня и дал команду маленькому каравану трогаться вперед.

Двадцать первого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года на восходе солнца вереница из тринадцати всадников, двадцати семи вьючных верблюдов, небольшого стада баранов и нескольких приблудившихся собак тронулась в долгий, полный опасностей путь.

«Итак, мне опять пришлось идти в глубь азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизованной жизни. Но кочевник свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот, она его кормилица и защитница. И, по всему вероятно, люди живут здесь с незапамятных времен, так как пастушеская жизнь, не требующая особого напряжения ни физических, ни умственных сил, конечно, была всего пригоднее для молодеческого человечества»¹.

Предгорья Тянь-Шаня. «Проводник-тургоут, взятый нами с Гашиун-нора и плохо вообще знавший даже до сих пор направление пути, теперь окончательно сбился с толку, войдя в горы, не имеющие никаких резких примет для ориентировки. Тем не менее монгол не сознавался в своем неведении и водил нас наугад из одной пади в другую. Так, блуждая, сделали мы целый переход. На следующий день повторилось то же самое. Тогда я прогнал негодяя-проводника, который и раньше того не один раз обманывал нас, за что, конечно, получал должные внушения.

Вообще путешественнику в Центральной Азии редко когда удается иметь хорошего проводника. Обыкновенно бывает одно из двух: или плут, или дурак. Притом же тот и другой одинаково получают от китайцев приказание следить за тем, что мы делаем, не говорить ничего лишнего и возможно больше обманывать нас во всем, чего мы не можем увидеть собственными глазами. Поэтому все расспросы, в особенности про окрестную страну, ее производительность, быт населения и т. п., из десяти раз на девять приводят к совершенно отрицательным результатам. Даются показания ложные, а если проводник глуп, да притом еще усердствует отличиться перед своим начальством, то обыкновенно рассказывает совершенно галиматью».

– Оазис! Оазис! – подлетая к каравану и радостно размахивая нагайкой, сообщил Иринчинов. – Где Николай Михайлович? Впереди Хами, завтра к полудню можем дойти! – Подскакивший к Роборовскому казак с трудом сдерживал танцующую лошадь.

– Не спеши, Дондок, – делая очередную зарисовку гор, посоветовал Всеволод Михайлович. – На охоте он, они с Егоровым ускакали, к вечеру будут, а про Хами – это хорошо, хоть помоемся как люди, – почесывая карандашом загривок, посоветовал поручик. – Два месяца в пути! У меня от грязи уже чесотка начинается. А, Эклон? Хочешь в баню?

---

¹ Здесь и далее Н. М. Пржевальский «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки».

– Хочешь, – отвлекаясь от съёмки местности, кивнул Эклон. – Только откуда же в Китае бани? Дремучий ты человек.

– А как же они моются? Моются ведь?

– Моются. Вообще-то они народ чистый, но вот попариться не рассчитывай.

– Почему?

– Они в бочках моются. Большие такие, по самое горло. На дно бочки раскаленные камни кладут, чтобы воду нагреть, и – бултых, – не отрываясь от дела, пояснил Эклон.

– А хоть бы и в бочке, лишь бы отмыться, – махнул рукой ставший неприветливым в походе Роборовский. – Лишь бы уж поскорее.

На следующий день около полудня, как и обещал Дондок, отряд увидел далеко впереди небольшой оазис, а чуть погодя стало возможно различить невысокую глиняную зубчатую стену города.

«По своему положению Хамийский оазис весьма важен как в военном, так и в торговом отношении. Через него пролегает главный и единственный путь сообщения из Западного Китая на города Са-чжеу и Ань-си, в Восточный Туркестан и Джунгарию. Других путей в этом направлении нет и быть не может, так как пустыня пересекается проложенною дорогою в самом узком месте на протяжении трехсот восьмидесяти верст от Ань-си до Хами, да и здесь путь весьма труден по совершенному почти бесплодию местности. Справа же и слева от него расстилаются самые дикие части Гоби: к востоку песчаная пустыня уходит через Ала-шань до Желтой реки; к западу та же недоступная пустыня протянулась через Лоб-нор до верховьев Тарима. Таким образом, Хами составляет с востока, т. е. со стороны Китая, ключ ко всему Восточному Туркестану и землям притяньшаньским. Раз этот пункт будет занят неприятелем – вся китайская армия, находящаяся к западу, будет отрезана от источников своего снабжения, т. е. от собственно Китая.

Не менее важно значение оазиса Хамийского и в торговом отношении. Через него направляются товары, следующие из Западного Китая в Восточный Туркестан и Джунгарию, а также идущие отсюда в Западный Китай. Этот транзит еще более усилится, если только упрочится и разовьется, согласно недавно заключенному трактату, наша торговля в застенных владениях Китая. Но для этого прежде всего, конечно, необходимо, чтобы китайцы не на одной только бумаге, а в действительности желали вступить с нами в торговые сношения».

Вокруг городской стены Хами жались возделанные поля и огороды, а внутри, вдоль узких грязных улиц, теснились фанзы.

– Добрались, – радостно улыбался Роборовский, с трудом сдерживая рвущуюся вперед лошадь. – Интересно, здесь русские часто бывают?

– Не думаю, что сюда забредал кто-нибудь, кроме паломников, – негромко ответил Эклон. – Николай Михайлович, сразу в город двинем?

– Нет, Федор Леопольдович, со входом в город мы погодим, не те у нас сейчас отношения с Китаем, – задумчиво покачал головой Пржевальский. – Дондок говорит, тут поблизости есть ручей, вот возле него мы лагерь и разобьем, а уж там посмотрим, как нас местные власти встретят. От местного чин-цая, военного губернатора, зависит очень многое, дадим же ему шанс сделать первый шаг.

– Плакала наша баня, – разочарованно вздохнул Роборовский.

– Не горюйте, Всеволод Михайлович, в ручье помоемся, – утешил его Пржевальский.

– Смотри, Всеволод, а вон и гонцы от чин-цая, легки на помине. – Эклон оставил в покое ящик с коллекцией птиц, которую собирался перенести в только что поставленную юрту. – Надо предупредить Николая Михайловича, чтобы убрал бусоль и инструменты, нехорошо будет, если китайцы увидят, как мы производим съёмку местности, думаю, они и так предупреждены о нашей экспедиции.

Пржевальский, в одной рубашке с закатанными рукавами, едва успевший прикрыть свои записи и убрать в юрту приборы, стоял посреди лагеря, на целую голову возвышаясь среди прочих членов отряда. На фоне подъехавших к нему китайских офицеров, невысоких и тщедушных, он смотрелся былинным богатырем. Под два метра ростом, широкоплечий, загорелый, с копной густых волос и серебрящимися висками, Пржевальский стоял как оживший герой древних былин и сказаний.

Было заметно, что спешившиеся офицеры несколько оробели и оттого, видимо, еще более льстиво и любезно пригласили знаменитого путешественника посетить резиденцию его превосходительства чин-цая, не забыв напомнить о подарках, которые русские, несомненно, привезли столь влиятельному и важному господину.

– Что ж. Долго ждать не пришлось, ответим любезностью на любезность. Эклон с Роборовским продолжают обустривать лагерь, и помогите Гармаеву и Аносову устроить запруду в ручье, сможем наконец-то искупаться, термометр показал сейчас 38,5 °С. А Абдул, Иринчинов и Егоров поедут со мной в качестве свиты. Слыхали? – окликнул Пржевальский казаков. – Быстро привести себя в порядок, все же великую державу представляем, – распорядился Николай Михайлович и отправился в юрту бриться и одеваться.

Маленький отряд не спеша въехал в город. Бедные фанзы, среди которых много разрушенных – следствие недавних боевых действий. Очень много бедных лавочек, почти совсем нет зелени. Пока отряд проезжал через город, отовсюду сбегались жители поглазеть на янгуйдзы (заморских дьяволов) – так в Китае называют без разбора всех европейцев. Некоторые особо назойливые и бесцеремонные пытались тыкать в проезжающих палкой или дергать за ноги, но, к счастью, посланные чин-цаем офицеры разгоняли толпу.

– Странно, все они считают нас шпионами, – озабоченно шепнул на ухо Пржевальскому Абдул. – И вообще, настроены очень воинственно, называют разбойниками и хотят, чтобы мы убрались прочь.

– Ты же знаешь, – пожал плечами Николай Михайлович, – китайцы не доверяют европейцам, и, честно сказать, у них есть основания после того, как англичане обошлись с их страной, пристрастив большую часть ее населения к наркотической отраве. Опиум для Китая – огромное бедствие, а поражение в последней «опиумной» войне еще больше озлобило жителей империи, – сокрушенно заметил Пржевальский. – Опиум – огромное бедствие, и особенно в армии, он производит в людях слабость физическую и нравственное угнетение, к тому же курильщики очень боязливы и впечатлительны. Представь себе, какой легкой добычей становится подобная армия.

– Мой господин, разве пристало нам принимать у себя этих русских разбойников? Это шпионы, наверняка шпионы! – Толстощекий, осанистый Лю Юань, стоя на крыльце резиденции, неустанно нашептывал своему повелителю «добрые» советы. – А вдруг об этом узнают в Пекине? Что скажет император?

– Уймись, Лю. Ты сам знаешь, что по учебнику географии этого русского обучаются в школах по всей Поднебесной. Разве мы можем ему отказать? – Чин-цай, невысокий, плотный, в красной, расшитой цветами бархатной шапочке с черной кистью и в богато украшенном халате, не проявлял признаков беспокойства. А скорее наоборот, с детским нетерпением и любопытством ожидал появления русских.

– Разумеется. Но разве русские не отняли у нас Кульджи? Разве они не враги императору? Наверняка такой знатный и известный человек неспроста прибыл в Хами, уж он-то знает, как велико значение ваших владений, мой господин.

– Замолчи, Лю, ты портишь мне удовольствие. Лучшие распорядись приготовить на завтра обед для наших гостей и смотри, чтобы блюд было не меньше полусотни. Я хочу пока-

затем этому Пржевальскому наше гостеприимство, – с гордостью оглядывая выстроившихся во дворе в две шеренги солдат с развевающимися знаменами, проговорил чин-цай.

Лю Юань сердито надулся и, засунув руки в рукава, принялся с видимым неудовольствием ожидать прибытия гостей.

Мин Чу, чин-цай Хами, был человеком любопытным, жадным, как все чиновники Поднебесной, неглупым, немного вздорным, но тонко чувствующим свое место в сложной служебной иерархии империи и всегда знающим границы своей власти.

Отношения Китая с Россией в данный момент были не безоблачны, но все же не настолько плохи, чтобы не принять у себя знаменитого путешественника, к тому же человека знатного и небедного.

– Какой великан! – воскликнул Мин Чу, едва небольшая русская делегация вошла во двор наместника. – А какой мундир! Определенно эти русские не скупятся на свои экспедиции. У них есть переводчик?

Лю Юань, выступив вперед, с любезной улыбкой, но достаточно грубым тоном поинтересовался, имеется ли у иноземцев переводчик.

Николай Михайлович заверил напыщенного и недружелюбного китайца, облаченного в черный расшитый халат и зеленую бархатную шапочку, стоящего за креслом наместника и, очевидно, являющегося его правой рукой, что переводчик у них имеется. Выставив вперед Абдула Юсупова, который этот диалог, собственно, и перевел.

– Прошу вас пройти в мой кабинет, – любезно предложил Мин Чу. – Лю, распорядись подать гостям чаю, – шепнул он надутому Лю.

Усевшись в свое резное кресло и дождавшись, когда гостям подадут чай в изящных фарфоровых чашечках с ярким богатым орнаментом в виде цветов и драконов, Мин Чу первым выступил с приветственным словом.

– Мы рады приветствовать такого известного человека, как господин Пржевальский, в нашем славном городе.

– Мы также рады посетить его и просим вашего разрешения ненадолго остановиться в его окрестностях, с тем чтобы ознакомиться с природой и климатом вашего благодатного оазиса, а также узнать культуру и познакомиться с искусством ваших мастеров, – с поклоном ответил любезностью на любезность Пржевальский.

– Вы можете остаться в Хами столь долго, сколь вам будет угодно, – гостеприимно позволил чин-цай и в знак особого расположения добавил: – А в честь вашего приезда мы хотим дать обед, который состоится завтра в моем загородном доме, – с улыбкой сообщил Мин Чу, скользнув внимательным взглядом по мундирам и оружию гостей.

– Благодарю вас за приглашение, ваше превосходительство, это большая честь для нас, – поклонился в ответ Пржевальский.

Побеседовав еще с полчаса о здоровье, количестве людей и верблюдов в отряде Пржевальского, о планах и впечатлениях, гости и хозяин раскланялись, и русские с облегчением удалились в свой лагерь.

Глава 5

16 мая 2017 г.

– Значит, отца похитили и даже, скорее всего, убили, – подвела черту под недолгим разговором Кара.

Семейство Арчуговых в составе его бывшей жены Ларисы Яшиной, ее дочери от Арчугова Риммы и старшей дочери Арчугова Карины, прибывших сегодня из Штатов, расположилось в столовой загородного дома исчезнувшего антиквара.

Лариса уже успела посвятить барышень в суть происходящего.

– А зачем мы понадобились, раз отца все равно пока не нашли? – недовольно поинтересовалась Римма, такая же худенькая и миниатюрная, как мать.

– Затем, что в случае смерти отца мы с тобой, Машка и Наум становимся владельцами семейного бизнеса и отцовских денег, – ответила вместо Ларисы Кара. – И Лариса, очевидно, хочет иметь нас под рукой. На случай дрызг с Машкой из-за наследства.

Лариса слегка поморщилась от подобной прямолинейности, а с другой стороны, какой смысл ходить вокруг да около?

– Да. Так и есть, – сухо подтвердила она. – Посидите здесь недельку-другую, пока обстановка не прояснится, дадите юристам доверенность на ведение дел, если понадобится, и можете возвращаться в Штаты.

Кара с прищуром взглянула на Ларису, но от комментариев воздержалась.

Загородный дом Бориса Арчугова был похож на филиал одного из его магазинов. Антиквариат, карельская береза, красное дерево, инкрустированные столики, ломберные столики, горки, обитый штофом столовый гарнитур, обитый шелком гостинный гарнитур, кабинет в стиле ампир, спальня в стиле Людовика Пятнадцатого. Картины: Репин, Шишкин, Левитан, Гоген, Ренуар, Шагал. А еще гравюры, акварели, хрусталь, бронза, потолочная роспись, лепнина. Все подлинное, все лучшее, все дорогое. Дом, похожий то ли на склад, то ли на музей.

– Боже! Какой ужас! Сколько нам здесь торчать? – поднимаясь по лестнице в свою спальню, простонала Римма.

– Ничего, детка, потерпишь, – чуть раздраженно отреагировала Лариса. – Хочешь красиво жить, надо шевелиться. Если мы не отожем наследство, я тебя обеспечивать не буду, максимум учебу оплачу.

На личике Риммы появилось выражение глубокой детской обиды.

– Да-да! И не надо кривиться. В конце концов, я тебя не в хрущевку привезла. Помнишь старую бабулину квартиру? То-то.

Кара, в отличие от сестры, промолчала. Хотя и она не разделяла вычурных, напыщенных вкусов родителя. Теперь уже, судя по всему, покойного.

Кара подождала, пока пожилой широкоплечий охранник затащит ее чемодан в комнату, закрыла за собой дверь и подошла к окну. За ним радовала глаз весенней зеленью ухоженная лужайка с маленькими мостиками, кустиками вереска, карликовыми соснами, прудиками и ручейками.

Отец мертв. Кара прислонилась лбом к стеклу. При Ларисе она не позволяла себе вдумываться в суть случившегося. Она вообще не любила демонстрировать посторонним свои эмоции. Но теперь, оставшись наедине с собой, можно не спеша все обдумать, осмыслить и дать волю чувствам.

Но чувств не было. Никаких. Даже немногие детские воспоминания, связанные с отцом, не вызвали ожидаемого прилива тепла, сожаления, грусти. Ничего. Те пять лет, что она про-

жила вместе с отцом, давно поблекли, растворились в памяти, затерлись среди множества более поздних воспоминаний, оказались не слишком яркими и дорогими.

В те годы они жили обычной жизнью: мать работала, отец только начал сколачивать свое состояние, а Кара ходила в садик. Самый обычный, во дворе под окнами, водила ее туда бабушка. Отца она видела редко, в основном в выходные. Каким он был? Веселым, любил над всеми подшучивать, иногда язвительным. Шутки не всегда были безобидными. Ленивым. Ну, это понятно, с его весом комфортнее всего лежать на диване. Обожал компании, у них часто бывали гости. Из всех воспоминаний об отце самым веселым и дорогим, наверное, был Новый год, который они отпраздновали за городом, на какой-то турбазе. Именно после этого Нового года родители развелись. Отец просто съехал из квартиры, и все. А в тот Новый год они были дружной, любящей семьей. Отец с Карой катались на санках, валялись в снегу, забрасывали маму снежками. Было весело. Кара улыбнулась. Да, тот Новый год был самым лучшим в ее детстве. Кстати, имя ей тоже выбирал отец. И ей, и Римме. Он любил все эпатажное, вычурное, заметное. Карина. В детстве имя Каре не нравилось. Ей хотелось быть как все. Сашей, Полиной, Настей. Но теперь, когда она повзрослела, свое имя ей стало нравиться. В нем было что-то величественное, отчаянное, своевольное. Оно напоминало ей дорогой клинок. Карина. Девушка залюбовалась своим именем, чуть не забыв об отце.

Да, отец. А затем они почти что не общались. Он устраивал ее в школу, в элитную гимназию, оплачивал репетиторов, отдых за границей, затем помог им с матерью выехать в Штаты, обеспечил поступление в американский университет. Даже когда мать второй раз вышла замуж, а Кара выросла, продолжал помогать.

Благодарность Кара чувствовала, а вот прилива любви, нежности, тепла – нет. Только детская обиды всплыла. Когда Кара узнала, что у папы в новой семье родилась другая дочь, она восприняла это как предательство. Если папа завел себе новую дочку, значит, она, Кара, ему не нравится? Значит, он ее не любит? И никакие заверения мамы, что любит, и попытки объяснить реалии и резоны взрослой жизни не помогали. Потом она, конечно, переросла эту обиду, особенно когда узнала, что папа и свою новую дочку тоже бросил. Тогда она испытала ни с чем не сравнимое злорадство. Так ей и надо, этой девчонке! А потом она ее простила.

– Кара! – раздался за дверью Риммин голос. – Можно к тебе?

– Заходи, – стараясь скрыть недовольство, разрешила девушка. Она не любила, когда прерывали ее мысли. Она вообще была довольно замкнута и независима и не любила вторжений в свое личное пространство.

– Кара, ты как думаешь, не опасно нам из дому выезжать? Я тут долго взаперти не выдержу, даже с инетом, – плюхаясь поперек кровати, проныла Римма. – Я тут списалась со знакомыми, они один клуб советуют, может, сходим завтра? А?

Судя по всему, Римма тоже не испытывала горечи утраты – сделала очевидный вывод Кара.

– Завтра? Давай доживем до завтра, а там решим, может, завтра придется по делам мотаться, а к вечеру уже не до клуба будет, – рассудительно заметила Кара, не испытывающая горячего желания куда-либо ехать – ни сегодня, ни завтра.

– Мария Николаевна, – галантно склонился к ее руке крупный светловолосый мужчина с жесткими, неправильными чертами лица, – добрый вечер. Таволжанин Геннадий Сергеевич. Мы с вами уже встречались, но, возможно, вы меня и не запомнили.

Таволжанин соврал не моргнув глазом. С последней женой Арчугова они никогда прежде не виделись.

– Ну что вы! Конечно, я вас помню, – посюсюкала в ответ Маша. Она совершенно не помнила этого мужика, но не будешь же признаваться.

Геннадий Сергеевич после длительных размышлений решил организовать их первую с Марией встречу на нейтральной территории, а именно – в модном сверхдорогом ресторане. Решив, исходя из имевшейся у него информации, что дамочка сей порыв оценит положительно. Кроме того, ее внимание будет рассеяно, бдительность притупится, и ему будет легче договориться, задурить этой идиотке голову. О том, что Мария – недалекая идиотка, Геннадий Сергеевич знал достоверно от самого Арчугова. Но в данном случае невеликие умственные способности Марии были ему только на руку. Ему не нужен был компаньон, ему нужен был послушный инструмент.

– Вы позволите проводить вас за столик? – Когда обстоятельства того требовали, Геннадий Сергеевич мог быть очень, очень вежлив, даже галантен. Случалось такое, правда, нечасто. И длилось недолго.

Маша улыбнулась тихой благодарной улыбкой, когда того требовали обстоятельства, она могла быть покорна и ласкова, кротка и изысканна. Конечно, недолго и только за наличный расчет. Ради Таволжанина стоило постараться, на сегодняшний день он был единственным достигаемым источником благосостояния. Не идеальный вариант, как с тоской заметила для себя Маша, она предпочитала более интеллигентный контингент, но выбирать не приходилось.

– Вы позволите мне лично выбрать вино? – любезно поинтересовался у дамы Таволжанин, пока та, разинув рот, тарасилась на публику и пожирала глазами чужие наряды, украшения, угощения.

– Конечно, – торопливо отозвалась Маша, не упуская случая, кокетливо взмахнув ресницами, бросить на своего кавалера многозначительный взгляд – пусть считает ее недалекой глупышкой, она ему подыграет.

– Итак, Мария, вы позволите мне называть вас просто по имени? – ощериваясь в любезной улыбке, спросил Таволжанин.

– Разумеется, – легко согласилась она (хоть горшком, лишь бы помог отжать их с Наумом наследство, а может, заодно и своих деньжат подкинул).

Она уже хорошо закусила, прилично выпила, ее поза приобрела некоторую развратную расслабленность, ограниченную, разумеется, платьем, а сама красotka готова была перейти к конкретике, желательно не в ресторане. Геннадий Сергеевич усмехнулся, разглядывая арчуговскую вдову, и проникновенно продолжил, глядя ей в глаза:

– Сейчас, когда Борис пропал, вы остались, по сути, одна против всего семейства и сотрудников компании. Это жесткие, прагматичные люди, и Борису приходилось держать их в ежовых рукавицах. Теперь, когда он исчез, будем надеяться ненадолго, у вас могут возникнуть с ними определенные трудности, в том числе и финансовые. Я думаю, Борис заботливо ограждал вас от собственных рабочих сложностей?

– Да, Боря был очень, очень, заботливым отцом и мужем. Не представляю, что мы будем без него делать. – Маша достала из сумочки платочек и интеллигентно промокнула его кончиком сухие, внимательные глазки.

– Он был абсолютно прав. Любимых женщин надо беречь. – Маша печально улыбнулась, «польщенная» столь тонким комплиментом. – Но в данной ситуации ваша непосвященность в дела мужа может сыграть с вами скверную шутку. Руководство компании наверняка попытается обмануть вас, еще хуже – обокрасть.

После такого заявления Маша мгновенно напряглась. Значит, она была права, они попытаются ее кинуть. И еще совершенно очевидно, что этот тип Таволжанин решил использовать ее для своих махинаций, наверняка надеется с ее помощью прибрать к рукам Борькину компанию. По его морде видно, что это за бизнесмен такой. Уж Маша таких повидала, пока не изловчилась Арчугова подловить. Ладно. Ей деваться некуда, а Федосеев с Лариской сами виноваты, что дружить не захотели. Сегодня утром она заехала в компанию и в кабинете Борькиного заместителя столкнулась с Ларисой. Маша до сих пор не могла без ярости вспоминать, как

сладко и интеллигентно выпроводил ее из офиса этот гад Федосеев, а Лариска лишь самодовоительно посмеивалась ей вслед. «Ах, Мария Игоревна! Ах, пока Бориса не признают погибшим, ах, пока не найдут тело, ах, пока не огласят завещание, ах, не шиша вы не получите, ах какая жалость! Сволочи!» – думала Маша, глядя на Таволжанина с пугливой жалостливостью. Артистизм был у нее в крови, и кипевшие в душе Маши злость и ненависть никак не проявлялись снаружи, даже самый внимательный наблюдатель не смог бы прочесть ее истинных чувств.

– Но я этого не допущу, – продолжал обрабатывать «глупышку» Геннадий Сергеевич: он не хотел, чтобы Арчугова чрезмерно напрягалась. – Как давний друг Бориса, я обязательно поддержу вас в этой непростой ситуации. Если потребуется, я подключу собственных юристов, у меня имеются связи в Следственном комитете и в администрации города, – ворковал он баском, беря в свои крупные широкие ладони Машину лапку с острыми ярко-алыми коготками.

– Да, да, подключите, пожалуйста! – жалобно проскулила Маша, заглядывая в глаза новому покровителю призывным, красноречивым взглядом. – У нас с Наумчиком совершенно нет денег. А ведь прислуга, и няня, и вообще разные траты. К тому же, – ее голосок стал чуть жестче, – я хочу по праву жены занять место Бориса и сама управлять компанией. – Этому типу мысль использовать Машу в качестве ширмы может показаться привлекательной, ведь ее держат за записную дуру. А она, между прочим, степень бакалавра имеет по менеджменту. Могла бы и магистром стать, да учиться до смерти надоело.

– Машенька, ну зачем вам влезать в эту скучную рутину? Сидеть весь день в офисе, выслушивать скучные отчеты, вычитывать договоры, проверять таможенные декларации, согласовывать сроки поставок, банковские переводы, налоговые декларации, отчеты... – Геннадий Сергеевич умышленно запугивал дуреху, чтобы у той даже мысли больше не возникало самостоятельно соваться в фирму. – К чему вам это?

«Действительно, к чему?» – зло подумала Маша. Значит, он собирается забрать их фирму с потрохами. Стало страшновато, но деваться Маше было некуда, придется иметь дело с ним. Во-первых, нужны деньги, во-вторых, она всегда может прибежать к Федосееву и предложить договориться, объединившись против этого нахрапистого быдла Таволжанина. Или же прибрат к рукам самого Таволжанина, что с финансовой точки зрения было бы, вероятно, выгоднее всего. Да и Лариске хочется досадить. Маша согласно кивнула головой, взмахнула клеевыми ресницами и робко улыбнулась, продолжая играть навязанную ей роль безнадежной, жадной, тупой дуры. Пусть порадуются. В любом случае на данном этапе ей пригодится помощь опытных, грамотных юристов, и пока они отстаивают ее интересы, она будет жить в свое удовольствие за счет Таволжанина. Во всяком случае, пока. А потом либо она найдет защитника понадежнее, либо труп Арчугова обнаружится, а Маша была уверена, что его уже нет в живых, и она получит свою законную долю наследства, и вот уж тогда... Тогда она решит, как ей быть дальше: с кем дружить, а кого подставить. Вслух же она решила для вида покривляться.

– Да, но кто же захочет бесплатно заниматься моими делами? – озабоченно поинтересовалась она у сидящего напротив мужчины. – Юристам ведь платить надо, а у меня совсем нет денег.

– Ну что вы, стоит ли об этом волноваться! – Геннадий Сергеевич поцеловал ручку своей дамы долгим, выразительным поцелуем. – Я сам решу все вопросы с юристами. Вам не о чем волноваться. А чтобы вы были совершенно спокойны, мы оформим доверенность на меня, и я буду отстаивать ваши интересы на всех совещаниях и заседаниях. Чтобы ни одна копейка не ушла налево. С моим опытом для этого не потребуется чрезмерных усилий, а еще лучше – я посажу доверенного управляющего, который будет держать все под контролем. Зарплату ему будет платить фирма, так что ваши финансы от этого не пострадают. – И он улыбнулся Марии безукоризненно добродушной улыбкой.

Маша с горьким опасением смотрела на своего нового «бескорыстного» друга, прикидывая, во что ей обойдется его «помощь». Доверенность – это уже опасно. Очень опасно, тем

более на самого Таволжанина. Но выбирать было не из чего, к тому же она надеялась соблазнить его, стать любовницей, и уж тогда вытянуть из него всю правду и заставить действовать в своих интересах. Маша все еще верила в силу секса и собственную привлекательность. Смогла же она соблазнить Арчугова и даже в ЗАГС затащить! Почему же нельзя проверить то же самое с Таволжаниным? Интересно, он женат?

– Я так рада, что хоть кто-то позаботится о нас с Наумом! – проговорила она и словно случайно взглянула на часы своего кавалера. – Ой, как поздно! А ваша жена не будет волноваться, что вы так задержались?

– У меня нет жены, – беря в свои руки и вторую ее лапку, ответил Геннадий Сергеевич, с удовлетворением отметив, как у Арчуговой загорелись глазки. Мечтает затащить меня в постель? На здоровье. Бабенка еще вполне ничего, можно и воспользоваться. Да и ей спокойнее, такая обязательно должна переспать с мужиком, иначе не будет в нем уверена.

Глава 6

17 мая 2017 г.

– Павел Петрович, москвичи отзвонились, племянницы Колокольникова в городе нет. Видно, уехали с мужем. Сын взрослый, давно с ними не живет, в настоящее время его местонахождение неизвестно, но будут искать. Где отдыхает племянница, тоже неизвестно, но обещали выяснить. Точнее, выяснить номер ее мобильного телефона, – торопливо доложил Илья. – Какие будут указания?

– Указания, указания... – по привычке потер лоб капитан Сафонов. – Да сядь ты, не маячь. Значит, так. Родственники отсутствуют, и это даже к лучшему, можно из-за них не дергаться. А вот что нам делать с убийцей? Вопрос: как он узнал о шкатулке?

– Видел, когда был в гостях? – предположил Илья.

– Или?

– Или... – Илья натужно смотрел в потолок. – Или... А вдруг он тоже родственник Колокольникова, только дальний, и считал, что шкатулка должна принадлежать ему? – вдохновенно проговорил Илья. – Прибыл к Колокольникову потребовать шкатулку, ему вежливо отказали, он не смог переварить отказ и грохнул родственника? А?

– Гм, – усмехнулся капитан, – в этом что-то есть. В любом случае надо копнуть поглубже, изучить личность убитого вдоль и поперек. Прежние квартиры, места работы и учебы, друзья-приятели, родственники покойной жены. Немаловажный, кстати, момент! – поднял палец вверх Павел Петрович. – А вдруг это ее родственники претендуют на шкатулку?

– Может быть, – не стал спорить Илья.

– В общем, так. Соберешь всю подноготную на семейство Колокольниковых, вплоть до отцов-дедов. Шкатулка, говорят, передавалась из поколения в поколение, вот и покопайся, выясни, кто такие, вдруг князя какие-нибудь, чудом выжившие в революцию, или еще что-нибудь, а может, наоборот. Копай, Борисов, не ленись! – напутствовал лейтенанта Павел Петрович, возвращаясь к делам. Точнее, к делу Арчугова. Сегодня ему предстояло давать развернутый отчет начальству – с версиями и подозреваемыми, с фактами и уликами. А вот с последними было весьма проблематично.

– Ах да! – спохватился Павел Петрович, останавливая Илью в дверях. – Возьми в помощь Свистунова, и опросите еще раз свидетелей. Теперь нас интересует, кто в последнее время бывал у Колокольникова, месяца за два до смерти. Если дело в шкатулке, наверняка убийца встречался с Колокольниковым и раньше. Приходил осмотреться, может, пытался договориться. Ясно?

– Так точно. Наверняка приходил!

– Ну, вот и действуй, – напутствовал Илью капитан Сафонов.

День превратился в цепочку встреч, разговоров, обсуждений, знакомств. Лариса постаралась максимально использовать пребывание девушек в Петербурге. Они побывали в фирме и познакомились с руководством, съездили в полицию к капитану Сафонову и поинтересовались ходом следствия. Встретились с юристами, оформили договоры на ведение их дел, пообедали в популярном ресторане, где «случайно» встретили нескольких крупных представителей петербургской бизнес-элиты, которым Лариса с удовольствием представила дочерей Бориса. Вечером они засветились на деловом ужине и ночью, утомленные этой круговертью и сменой поясов, оказались наконец-то дома.

– Явились, прощелыги! – встретило их в холле хриплое злобное шипение.

Кара вздрогнула от неожиданности и всмотрелась во тьму, окутывающую углы слабо освещенного единственным зажженным бра холла.

Шипение словно растаяло в воздухе, не явив источника звука.

– Ой! – пискнула Римма, шмыгнув за спину матери. – Кто здесь?

– Здравствуй, Зинаида, – поморщившись, проговорила Лариса. – Рада тебя видеть. Давно приехала?

– Добрый вечер, – раздалось в ответ чопорное приветствие, и из темноты под лестницей выступила невысокая, худая и прямая как палка женщина неопределенного возраста, от сорока до шестидесяти, с гладко зализанными волосами и в белоснежной блузке с пышным жабо, украшенной крупной старинной брошкой.

– Познакомьтесь, девушки. Зинаида Захаровна. Домоправительница вашего отца. Когда-то Зинаида Захаровна работала хранителем в музее, а последние десять лет охраняет...

– Подробности ни к чему, – холодно оборвала ее Зинаида Захаровна. – Вы были обязаны поставить меня в известность, что дом открыт, – жестким менторским тоном выговорила она Ларисе, сверля ее злобным подозрительным взглядом. – В отсутствие Бориса Аркадьевича в доме распоряжаюсь я. И кстати. Я перенесла ваши вещи в голубую спальню. Там вам будет удобнее, – бесстрастно сообщила она. – Барышни могут остаться в своих комнатах.

Сообщив это известие, Зинаида Захаровна круто развернулась и удалилась прочь, чуть слышно постукивая каблукчиками практичных основательных туфель.

– Драконша. Только что пламенем не плюется, – криво усмехнулась Лариса. – Затолкала меня в самую мрачную комнату и радуется как ребенок.

– Так давай вышвырнем ее отсюда – и дело с концом! – выступая из-за материнской спины, презрительно фыркнула Римма.

– Если мы ее отсюда вышвырнем, как ты изволила выразиться, она завтра же на рассвете будет сидеть на приеме у следователя. И такого там понараскажет, что нам всем мало не покажется. Нет уж, – решительно возразила Лариса. – Пусть сидит здесь, потерпим. «Друзей, дорогуша, надо держать близко, а врагов – еще ближе», – наставительно заметила она дочери.

– Дон Вито Карлеоне, – прокомментировала цитату Кара и, не взглянув на «родственников», стала подниматься по лестнице.

Завтракала Кара одна. Лариса уже уехала на работу, Римма отсыпалась.

– Карина Борисовна, – заглянул в столовую высокий, одетый в черную униформу охранник. – Извините, что беспокою, но тут гость к Борису Аркадьевичу.

– Какой еще гость? Его приятель? – Карина с удивлением смотрела на охранника. Никакие визиты, насколько она знала, запланированы не были.

– Нет. Этот тип приехал на такси, с чемоданом. Кажется, он вообще не знает, что Борис Аркадьевич пропал. Говорит, хозяин должен его ждать, он еще из аэропорта пытался позвонить, но телефон не отвечает.

– А Ларисе вы звонили? – в некоторой растерянности спросила Кара.

– Лариса Михайловна на совещании, телефон отключен, а секретарше велено ее не беспокоить, – отчитался охранник. – Так что с ним делать? Мужик стоит с чемоданом возле ворот. Такси уже уехало. Его Лодейников караулит.

Карина торопливо поднялась из-за стола и выглянула в окно. Действительно, возле ворот, рядом с будкой охранника, перетапывался с ноги на ногу довольно высокий, прилично одетый мужчина, рядом с ним стоял чемодан, в руках он держал портфель. Впечатление незнакомец производил самое положительное.

– Как его зовут? – обернулась Кара к охраннику.

– Нестеров Георгий Глебович.

Нестеров? Фамилия Каре ничего не говорила. Впрочем, это и неудивительно. Она не знала деловых партнеров отца, даже с руководством фирмы познакомилась только вчера.

– Хорошо. Вы можете убедиться, что он не вооружен и так далее? Например, проверить документы? Скажите, что таково распоряжение начальника службы безопасности, – приняла решение Карина. – И проводите в дом. А я еще раз попробую связаться с Ларисой.

Гость был явно недоволен. На спокойном с виду, гладко выбритом лице в углах рта пролегли глубокие, резкие складки. Глаза смотрели холодно, надменно.

Лариса по-прежнему была занята, и Карина решила выйти в холл, чтобы как можно скорее разобраться с незнакомцем и, возможно, отправить его восвояси.

– Добрый день, – поздоровалась она, внимательно рассматривая пришельца. – Меня зовут Карина Борисовна, я дочь Бориса Аркадьевича.

– Очень приятно, – чуть резковато, едва сдерживая раздражение, ответил гость. – Нестеров Георгий Глебович. Борис должен был встретить меня в аэропорту. Его телефон не отвечает, сам он отсутствует. К тому же это унижительное топтание возле охранников... Я надеюсь, у него есть серьезный повод для подобного поведения. – Нестеров раздраженно передернул плечами. – Я, между прочим, не на прогулку приехал, и я не привык обивать пороги, я вполне в состоянии оплатить свое проживание в отеле. Если у Бориса имеются какие-то проблемы, ему стоило предупредить меня заранее. Согласитесь, что складывается несколько странная ситуация, когда человек с маниакальной навязчивостью уговаривает остановиться у него, а затем не только не встречает, но даже на порог не желает пускать.

Возмущение господина Нестерова буквально выбулькивалось через край, невзирая на его титанические усилия держать себя в руках.

– Я прошу прощения от имени папы, – максимально убедительно проговорила Карина, возмущение гостя было столь искренне, что она решила принять его. – Мне очень жаль, но так случилось, что ему пришлось спешно уехать. Возможно, он оставил какие-то распоряжения относительно вашего прибытия, но дело в том, что я сама не застала отца. И ничего не знала о вашем приезде. Думаю, что в ближайшее время ситуация прояснится, а пока что я приглашаю вас позавтракать со мной, а прислуга приготовит для вас комнату.

Кара сердито стреляла по сторонам глазами, удивляясь, куда это запропала вездесущая Зинаида Захаровна, не преминувшая сегодня утром ворваться к ней в комнату якобы в поисках кота, злобного, откормленного перса, любимца Бориса Аркадьевича, до ужаса похожего на своего хозяина, в тот момент, когда Кара, абсолютно голая, собиралась отправиться в ванную. А сейчас, когда она действительно нужна, ее и след простыл! И где только носит эту беспардонную особу?

– Я в самом деле могу прекрасным образом остановиться в отеле, и если бы не Борис с его уговорами... – продолжал свою возмущенную речь гость.

– Нет, нет! Что вы, вы только что с дороги, – возразила Карина, ловя себя на мысли, что, возможно, и стоило бы отпустить гостя. – Отдохните, выпейте кофе, а затем вы сможете не спеша определиться с дальнейшими планами.

Возможно, Лариса знает этого Нестерова? Просто забыла о нем в суете или не знала, что отец пригласил его остановиться у себя? Карина отвела гостя в столовую. Завтрак был испорчен.

– Кто, Нестеров? – озабоченно переспросила Лариса. – Понятия не имею, кто это. Погоди, сейчас позвоню Олегу, может, он в курсе.

Кара с интересом прислушивалась к разговору Ларисы с отцовским замом. О Нестерове никто не слышал.

– Мы с Маратом сейчас приедем, – решила Лариса. – Пусть кто-то из ребят подстрахует тебя в доме, не оставайся с ним наедине, и Римму предупреди. Да, и поговори с Зинаидой.

– Он без оружия. Ребята проверили на входе, – успокоила ее Кара.

– Молодцы. Ты распорядилась?

– Да. А Зинаида Захаровна пропала, – не сдержала раздражения Карина.

– Пропала? Вот уж сомневаюсь. Скорее прячется из вредности, – презрительно фыркнула Лариса. – На редкость противная и вредная особа! А вы будьте осторожны. Мы не знаем этого человека.

– Прошу прощения, что была вынуждена вас покинуть, – возвращаясь в столовую, проговорила Карина. – Еще кофе?

Завтрак заканчивался. Лариса позвонила лишь спустя полчаса после прибытия Нестерова, и Кара уже успела немного присмотреться к гостю и даже успокоиться.

– Нет, благодарю. Если вы не возражаете, я бы хотел принять душ с дороги, – вежливо поблагодарил гость, поднимаясь. – Моя комната уже готова?

При этих словах двери в комнату распахнулись как по волшебству, и на пороге появилась Зинаида Захаровна, прямая, подтянутая и суровая.

– Ваша комната готова, – провозгласила она. – Извольте следовать за мной.

Подслушивала – сделала очевидный вывод Карина. Хитрая, вредина! Надо бы с ней подружиться, от такой особы можно всего ожидать, например кофе со слабительным, если не с мышьяком.

– Благодарю вас, – поднялся с места Нестеров и, прежде чем выйти из комнаты, поинтересовался: – Мне все же хотелось бы понять, когда вернется Борис, у нас с ним был запланирован четкий график, не хотелось бы из него выбиться. Через неделю меня ждут во Франкфурте.

– Скоро должна подъехать Лариса Михайловна, она компаньон отца и сможет вам ответить на этот вопрос, я, признаться, и сама несколько озадачена, – слукавила Карина.

– Хорошо, что он в душе, – устраиваясь в кабинете отца, рассудила Лариса. – Что он рассказал о себе?

– Москвич. Большую часть времени проводит в Европе, у него там бизнес. Виноградники во Франции, пивоварня в Германии, пиво гонит в основном к нам, – расположившись возле массивного рабочего стола, некогда принадлежавшего князю Михаилу Николаевичу, рассказывала Карина. – С отцом познакомились в Париже, в один из его приездов, на каком-то приеме. Последние два месяца работали над общим проектом, часть которого должна быть развернута во Франции, а часть – в России. О проекте говорить отказался. Мягко так. Сведя все к шутке. Впечатление производит приятное. Образован, хорошие манеры.

– Надо проверить его документы, – задумчиво потирая переносицу, сказала Лариса. – Марат, иди наверх, можешь посидеть у меня в комнате, когда он спустится, осмотри его вещи, документы, проверь его по всем каналам. И только потом можешь присоединиться к нам.

Высокий, чуть смугловатый, горбоносый Марат молча кивнул и, легко выскользнув из кресла, отправился наверх.

– Ты ему доверяешь? – кивнула вслед Марату Карина.

– Да. И отец ему тоже доверял.

– А вот это не показатель. Потому что отца больше нет, и очевидно, что один из тех, кому он доверял, его крупно подставил, – глядя в глаза Ларисе, произнесла девушка.

Умная детка. Надо будет поскорее отправить ее назад в Штаты, отвечая Карине таким же пристальным, внимательным взглядом, решила Лариса.

– Добрый день. – Дверь кабинета распахнулась, и их молчаливое уединение нарушило появление господина Нестерова Георгия Глебовича.

Дорогой костюм, уверенные манеры, ухоженные руки и привычка повелевать во взгляде – быстро оценила гостя Лариса. Как минимум человек нашего круга.

– Добрый день. – Она с улыбкой поднялась ему навстречу. – Лариса Викторовна, деловой партнер и по совместительству бывшая жена Бориса Аркадьевича. С моей падчерицей вы уже познакомились.

– Да, и даже успели позавтракать вместе, – склонил голову в приветствии Нестеров. – Кара обещала, что вы разъясните мне, куда пропал Борис. Насколько я успел заметить, такая необязательность в делах ему не свойственна.

Скрывать от Нестерова правду было бессмысленно. Достаточно просмотреть местные новости в интернете или включить телевизор, и все тайное в одно мгновение станет явным.

– Увы. Как вы правильно заметили, – возвращаясь на свое место за столом, проговорила Лариса, – Борис именно что пропал. Это случилось три дня назад, и мы до сих пор не знаем, где он и что именно произошло.

Нестеров продемонстрировал достойную выдержку, внешне никак не отреагировал на сообщение. Лишь между бровей залегла едва заметная морщинка.

– Вот как? – проговорил он неторопливо, продолжая размышлять над полученной информацией. – Значит, дела пошли по худшему сценарию.

– По худшему сценарию? Что вы имеете в виду? – тут же встрепенулась Лариса, и Карина обратила внимание, как ее рука скользнула под стол, к спрятанной под столешницей тревожной кнопке.

– При нашей последней встрече он говорил мне о некоторых сложностях, – сдержанно, словно неохотно проговорил Нестеров. – Я думаю, вам как компаньону должны быть известны резоны, по которым Борис выводил активы из России?

– Хм. Я участвую лишь в части его предприятий. Мне неизвестны все подробности происходящего, – неохотно призналась Лариса. Борис действительно не был с ней откровенен больше необходимого. Она понятия не имела, какими проектами он сейчас занимается, что вынудило его столь срочно свернуть часть дел в России. Он лишь заверил ее, что грядущие перемены никак не затронут ее часть бизнеса. Лариса ему верила, а может быть, и зря. Этот посторонний, неизвестно откуда взявшийся человек знает о делах Бориса значительно больше, чем она, чем руководство его российской компании. Неужели Борис не доверял им всем?

Да. Мог и не доверять. Борис был еще тот фрукт. Хитрый. Подлый, беспринципный, жадный эгоист, по большому счету, единственный, о ком он пекся всю свою жизнь, был он сам. Даже детей он воспринимал как часть себя, растиражированную часть, и поэтому не бросал их.

– Борис был осторожен в делах, но в свете случившегося ваша информация могла бы помочь в его поисках, – весомо произнесла Лариса, глядя гостью в глаза.

– Или окончательно утопила бы его, – закончил на свой лад ее мысль Нестеров. – Знаете, Лариса, прежде чем рассказывать кому-либо что-либо, я должен сам изучить ситуацию. Понять, что происходит, собрать кое-какую информацию, и тогда, возможно, я действительно смогу быть вам полезным.

– Иными словами, вы мне не доверяете? – усмехнулась она криво.

– Простите, нет, – ответил ей в унисон Нестеров. – К тому же, как я понимаю, вы приехали не одна. – Лариса удивленно приподняла брови. – Я видел из окна. И если я что-то в чем-то понимаю, ваш спутник – глава департамента охраны вашей компании, а следовательно, сейчас он наверху изучает мои вещи и документы.

Лариса едва заметно дернулась от неожиданности, Кара усмехнулась.

– Должен вас огорчить. Документов он там не найдет. Мои права и паспорт здесь. – И Нестеров потряс в воздухе вынутыми из внутреннего кармана пиджака документами. – Не имею привычки разбрасывать их в чужих домах.

– В сложившихся обстоятельствах вам должны быть понятны принятые нами меры предосторожности, – быстро оправилась от неловкости Лариса. – Вы позволите взглянуть на паспорт?

Нестеров мгновение помедлил, затем протянул документ Ларисе.

Каре понравилось, как их гость ловко, легко и элегантно мокнул носом Ларису, вообразившую себя большим боссом. А ведь она была всего-навсего директором одного из магазинов отца. Пусть и самого крупного, и даже имела в нем долю, но все же была мелким винтиком, пытающимся подмять под себя руководство компании.

У Кары на этот счет имелись свои соображения.

Лариса недовольно изучала паспорт. Это был паспорт гражданина Испании, а из подобного документа много не вытянешь, и все же это лучше, чем ничего.

– Вы позволите мне сделать ксерокопию? – после минутного колебания спросила она.

Нестеров едва заметно усмехнулся, но тем не менее позволил.

Кара наблюдала за Ларисой с видимым неодобрением. Все выглядело крайне несолидно, по-дилетантски примитивно и как-то глупо. Но влезать со своими комментариями было бы еще глупее.

– Спасибо. – Лариса вернула паспорт владельцу. – Какие же у вас теперь планы в связи с отсутствием Бориса?

– Ну, для начала мне надо снять номер в отеле, а там уж я подумаю, – сухо улыбнулся ей в ответ Нестеров.

– Ну что вы! Какой отель? Борис вас пригласил, вы его гость, вы просто обязаны остаться. К тому же дом большой, вы никому не мешаете, – превратилась в любезную хозяйку Лариса.

Хочет все же выяснить у гостя, что за проект затевал с ним отец, поняла Карина. Личность Нестерова они с Маратом пробьют, всю его подноготную вытянут, и бояться его будет нечего. К тому же отец всегда был осторожен, кого попало в гости не зазывал, да еще на целую неделю.

– Благодарю, но думаю, это неудобно, – категорически покачал головой Нестеров.

– Какое неудобство! К тому же, учитывая некоторую скрытность Бориса, можно предположить, что он исчез из какого-то хитрого расчета, решит свои дела – и появится не сегодня завтра. А возможно, – тут Лариса придала лицу едва уловимое выражение оскорбленного достоинства, – просто загулял с какой-то девицей. У него изредка случаются приступы безответственного пофигизма на почве женщин.

По лицу Нестерова было трудно понять, поверил он Ларисиним доводам или нет, но после продолжительных колебаний и уговоров он согласился задержаться.

– Геннадий Сергеевич! – В кабинет Таволжанина после короткого решительного стука вошел юрист компании Лютецкий. – Тут новые факты всплыли.

– Что еще?

– Это по Арчугову.

– Что еще по Арчугову? Нашелся? – нехорошо хохотнул бизнесмен.

– Нет. Его компании. Они ему больше не принадлежат.

– Что значит «не принадлежат»? – Таволжанин захлопнул крышку ноутбука, показывая, что готов заниматься этим вопросом.

– Около двух месяцев назад он продал их какой-то Галине Федоровне Кротовой за один рубль.

– Так... Чувствовал, значит, старый боров, что жареным пахнет! – ощерился Таволжанин. – Только тут он сыграл против себя.

– Не знаю. Глупо как-то, – усомнился юрист.

– Ты выяснил, что это за Кротова?

– Да. Вот фото. Сорок четыре года, уроженка Петербурга. По адресу прописки давно не проживает, фактическое место жительства пока не установили. – Лютецкий положил на стол перед Таволжаниным распечатку.

– Выяснить про нее все! И подготовьте пакет документов. Эти компании должны перейти вдове Арчугова, и как можно скорее. – Таволжанин откинулся на спинку кресла, лицо его выражало крайнюю степень довольства. – Ну надо так лохануться! Ну, Борька, просто подарочек преподнес, мир твоему праху! Даже не поленюсь свечку за помин души поставить! – веселился Геннадий Сергеевич, но быстро оборвал себя. – Кротову не беспокоить, чтобы ни одна живая душа не знала о происходящем. Ясно? Сведения собрать, но чтобы никто... Ты понял?

– Да. – Щупленький, неприятно скользкий на вид юрист ужиком выскользнул из кабинета. Он работал с Таволжаниным не один год и иногда понимал хозяина лучше, чем тот сам себя. Он знал все, что ему предстоит сделать, на десять шагов вперед. Слишком много у них за плечами общих дел, дел весьма и весьма сомнительных, были провалы, но успехов было больше. Они прошли девяностые, начало двухтысячных, и все еще живы, и все еще на коне.

Таволжанин сидел в кабинете, довольно улыбаясь, хваля себя за дальновидность и интуицию. Интуиция его никогда не подводила, он нутром чувствовал, где можно пожить, и никогда не ошибался.

Ну что ж. Пока Лютецкий будет заниматься бумагами, ему стоит проявить к вдовушке повышенное внимание, чтобы не нашелся еще какой-нибудь «утешитель». Арчугова ему еще понадобится. Он сделает все красиво.

Глава 7

18 мая 2017 г.

Римма Арчугова сидела все утро у себя. Во-первых, смена часовых поясов, против организма не попрешь, а во-вторых, ей совершенно не хотелось общаться с родственниками, особенно с Кариной. Вчера мать целый день таскала их по встречам и переговорам, это было скучно, но раздражало другое. Раздражала Кара.

С какой стати она так умничает? Сует везде свой нос, лезет с комментариями? Она что, реально собралась после раздела наследства управлять своей долей семейного добра? Римма не спрашивала мать, из каких соображений та вызвала Кару из Штатов, но была уверена, что мать ошиблась. Эта выскочка дорого им обойдется. Проще было бы Машку приручить. Она хотя бы производила впечатление законченной дуры.

Машу Римма видела только на свадьбе, и мнение ее о новой папиной жене было самое невысокое. Дворняжка. Да еще и тупая. А с каким превосходством эта дура смотрела на них с Кариной! Как будто бы заграбастала папашины миллионы. Наивная дурочка! Да папаша кинет ее без копейки в любой момент и мучиться не будет. Правда, лиса родила папочке сына, и его он, разумеется, содержать будет, оставит квартиру, оплатит обучение, будет подкидывать на еду и отдых, при этом стараясь собственноручно выкупать туры, сам найдет школу и переведет деньги, выдавая «бывшей» наличными на руки жалкие крохи.

Только у матери хватило ума втереться в их общий бизнес на стадии мармеладно-шоколадных отношений, не без гордости размышляла Римма, а потом было уже поздно. Римма усмехнулась и перевернулась на живот, блаженно раскинувшись на кровати. Солнышко робко пыталось пробить себе дорогу сквозь неплотные шторы, в листве большущей березы орали как очумелые птицы, пахло свежескошенной травой. Очевидно, садовник утром косил газоны. Было приятно валяться без дела в огромной мягкой кровати, болтать голыми пятками и знать, что никаких дел у тебя сегодня нет. Торопиться некуда. Римма счастливо потянулась, и в этот момент полнейшей безмятежности откуда-то с улицы донесся тревожный шум. И даже не шум, а скорее энергетические волны. Тревожные и беспокойные.

Римма прислушалась. Сквозь распахнутое окно доносились едва различимые голоса, звуки какого-то движения. Римма, почувствовав приступ любопытства, соскользнула с кровати и, подойдя к окну, выглянула из-за занавески. Причиной суеты оказался незнакомый мужчина, весьма привлекательной наружности, около тридцати. Ее любимый возраст. Мальчишеская дурь уже выветрилась, зато появились статус, деньги и умение обращаться с женщинами. Те, у кого они не появились, Римму не интересовали.

Мужчину почему-то не пускали на территорию. Он стоял сердитый, с чемоданом и пытался кому-то дозвониться. Охранники, в свою очередь, тоже пытались кому-то дозвониться. Очевидно, что все эти звонки были безрезультатны. Наконец начальник смены сбегал в дом, после чего, спустя минут пять, красавчика все же пустили.

Римма оторвалась от окна и, покинув комнату, тихонько подбежала к лестнице на первый этаж. Кажется, Карина пригласила его позавтракать, но голоса по-прежнему звучали несколько напряженно. Что ж. Подождем, чем закончится эпопея, а пока приведем себя в порядок. Римма появится перед гостем, когда все недоразумения будут разрешены, если, конечно, он здесь задержится. Его знакомство с нею не будет связано с неприятными ассоциациями, и, скорее всего, им удастся подружиться.

Красавчик, путешествующий без жены и подруги, – легкая и приятная добыча. А раз он был зван в гости, о чем красноречиво свидетельствовали чемодан и сердитое лицо, и, скорее всего, папочкой, значит, не беден. Других папуля в гости не приглашал.

И Римма не спеша отправилась приводить себя в порядок.

Когда гость поднимался в свою комнату, она будто случайно выглянула на лестницу, разумеется, в весьма соблазнительном виде. Потом, когда приехала мать, гость снова спустился вниз, а в его комнату зашел Марат.

Обыск? Оригинально, однако, в России встречают гостей.

Римма натянула сарафан и босиком, с рассыпавшимися по плечам рыжими волосами, отправилась вслед за Маратом. Она прекрасно знала, что мать с Маратом любовники, но это ее не волновало – каждый имеет право проводить время так, как ему нравится.

– Что ищешь? – с порога насмешливо поинтересовалась Римма, входя в комнату гостя.

Марат подскочил как ужаленный.

– Тьфу ты. Напугала. – Он с облегчением выдохнул, взял себя в руки. – Вам что-то нужно?

– Нашел что-нибудь интересное? – присаживаясь на кровать, спросила Римма.

– Нет. – Убеждать девицу в том, что он ничего не искал в чужой комнате, было глупо. К тому же девица – Ларисина дочь, а значит, в их лодке. – Хотите помочь?

– Нет. Сам справишься, – покачивая босой ногой, хамовато ответила Римма. – А кто это? Почему его так долго не хотели пускать, а теперь вы с матерью примчались, обыск устроили?

– Я думаю, будет лучше, если вы обсудите это с Ларисой, а сейчас мне надо кое-что закончить, – с легкой ехидцей проговорил Марат.

– Копайся на здоровье, я тебе не мешаю. Так кто он такой? Отцовский приятель? Компания? Засланный казачок? Темная лошадка? Шпион? Кто? И что ему здесь понадобилось?

– Пока не знаю, – снова отрываясь от осмотра чемодана, процедил сквозь зубы Марат, девица его напрягала. Нагловатая, навязчивая. – Хочешь что-то выяснить, спустись вниз, он как раз с Ларисой беседует. Задашь все вопросы ему.

– Ну, вот и чудненько, наконец-то мы перешли на «ты», – рассмеялась ему в лицо Римма. – Марат, а почему ты с матерью спишь? Она же старая для тебя. Помоложе не нашлось или она тебе доплачивает?

Марат поймал себя на мысли, что хочет вклеить этой тощей мерзавке хорошую оплеуху. Он подошел к кровати и встал вплотную к полулежащей на кровати девице, сверля ее взглядом черных опасных глаз.

– Хочешь ударить? – догадалась мелкая нахалка. – Но расчет не велит? Мамочка может рассердиться и уволить?

Вот тут усмехнулся Марат.

– Да нет, тут ты ошибаешься. Я могу отшлепать тебя, как сопливую девчонку, и Лариса даже не огорчится. В данный момент я ей нужнее, чем она мне. Так что, крошка, ты не так уж недосыгаема. Но у меня есть принцип. Я не бью женщин. Даже таких вздорных и непривлекательных, как ты.

А вот это уже было прямое оскорбление. И теперь взвилась Римма. Она обожала играть на чужих нервах, самолюбии, достоинстве, но не выносила, когда задевали ее. Обычно и не задевали, потому что она тонко чувствовала, с кем подобный номер пройдет, а с кем нет. С прислугой до сих пор проходило. А Катрич – та же прислуга, просто высшего звена.

Римма вскочила с кровати красная, с развевающимися вокруг лица ярко-рыжими, похожими на язычки пламени волосами.

– Хам! Быдло! Ничтожество! Материнский холоп! – выкрикивала она бессмысленные, грубые оскорбления и с каждым новым выкриком понимала, как смешно и жалко выглядит.

Марат лишь посмеивался, презрительно глядя на эту бурю в стакане.

Римма, окончательно запутавшись, зло топнула ногой и вышла из комнаты.

Из-за статуи Амура и Психеи раздалось явственное скрипучее хихиканье.

– Павел Петрович, Таволжанин вчера встречался с женой Арчугова, – заглядывая в кабинет капитана Сафонова, сообщил Сергей Скворцов.

– С какой целью?

– Поддержать жену пропавшего товарища, – присаживаясь возле стола, коротко ответил Сергей.

– С какой целью?

– Пока не ясно. Кажется, совершенно безвозмездно.

– Безвозмездно, то сеть даром, – повторил фразу из какого-то мультика Сафонов. – Таволжанин, даром? Очень сомневаюсь. А откуда сведения?

– От водителя тире охранника Арчуговой. Он отвозил ее на встречу, и она ему все выболтала. Кажется, он у нее вроде подружки, – криво ухмыльнулся Скворцов.

– И что еще интересного подружка наболтала?

– Да ничего особенного. Отношения Арчуговых испортились давно. Около года назад Арчугов съехал в загородный дом, оставив жену с ребенком в городской квартире. Денег ей много не давал, старался сам все оплачивать, иногда даже продукты привозил. Прислугу, няню, занятия ребенка в развивающем центре оплачивал самостоятельно.

– Жадный или Арчугова слишком легкомысленно относится к деньгам? – крутясь в новом кресле, поинтересовался капитан.

– И то и другое.

– А из-за чего расстались супруги? Кто-то кому-то изменил?

– Нет. Арчугов всегда гулял в свое удовольствие, а вот жену на измене поймать так и не смог. Хотя водитель считает, что она ему все равно изменяла, просто не заводила отношений. В общем, насколько он может судить, Арчугов жену не любил, она его страшно бесила. И наконец он ее бросил. Сам факт развода Марию Арчугову не сильно огорчал, главное, что ее заботило, – откусить при разводе кусок побольше. Вот с этим, кажется, были проблемы. Арчугов – калач тертый, сказал, что она ничего не получит, кроме алиментов.

– А откуда это известно шоферу?

– Говорит, они последние месяцы все время отношения выясняли, часто по телефону и в машине. Арчугова постоянно звонила мужу и требовала денег. У нее любимое развлечение – по магазинам ходить, – пояснил Скворцов.

– Продолжай.

– Ну, и Арчугов ей как-то пригрозил, что будешь возникать – вообще без копы останешься. Сына заберу себе, а ты отправишься голой на мороз. Даже квартиру отберу, – усмехнулся Сергей. – Арчугова визг подняла. Сказала, что она адвоката крутого наймет и свою половину при разводе получит. А он только посмеялся и ответил, что она получит половину дырки от бублика.

– И давно происходил этот разговор? – задумчиво хмуря брови, поинтересовался капитан.

– Около месяца назад.

– Интересненько.

– Да, но непонятно, кто ей помогал. Не сама же она его похитила, – с сомнением ответил Сергей.

– Нет, конечно, но найти исполнителей за деньги не так уж сложно. К тому же, по словам водителя, Арчугова мужу все же изменяла, хотя он ее за руку так и не поймал, значит, не так уж она проста. И могла привлечь к делу любовника. А мог и сам водитель ей помочь, а теперь перед нами простачка разыгрывает, – выдвинул сразу несколько версий капитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.